

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 8

август 2021

«Полагаем, что в Постановлении ЕСПЧ нашла отражение общемировая тенденция о том, чтобы в обстановке пандемии COVID-19 сделать вакцинацию обязательной... Что касается установления ответственности за отказ от прививок, то, конечно, относиться к этому вопросу следует с особой осторожностью»

Внукова В.А., Мадыгина О.А., Бурдина М.В.
«К вопросу об обязательности вакцинации и ответственности за отказ от прививок.
Анализ Постановления Европейского Суда по правам человека»

Стр. 54

- О правовой природе судебной неустойки (астрента)
- Подача нескольких апелляционных жалоб на один судебный акт: проблемы теории и практики
- О регрессной ответственности служащих
- К вопросу о пределах прав суда апелляционной инстанции при принятии решений, ухудшающих положение осужденного
- Заглаживание причиненного вреда при отсутствии потерпевшего во исполнение условий освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа
- Отказ от ограниченных вещных прав на земельные участки: проблемы доктрины и правоприменения

ISSN 1812-3791

9 771812 379776 >

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно.

№ 8/2021

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Шевченко И.М. О правовой природе судебной неустойки (астрента)

9 Бармина О.Н. Проблемы защиты прав и законных интересов группы лиц в арбитражном и гражданском процессе

14 Батурина Н.А. Поддача нескольких апелляционных жалоб на один судебный акт: проблемы теории и практики

19 Ершов О.Г., Жданова А.Н. О регрессной ответственности служащих

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

25 Бабенко И.А., Плетнев В.В., Пшава В.В.

К вопросу о пределах прав суда апелляционной инстанции при принятии решений, ухудшающих положение осужденного

31 Макаров А.В., Вдовенко М.А. Заглаживание причиненного вреда при отсутствии потерпевшего во исполнение условий освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа

37 Чебуренков А.А. Особенности предмета доказывания по делам о преступлениях, связанных с посягательствами на половую свободу личности

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

43 Афанасьева Т.И. О некоторых проблемах правового обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве

ИЗ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

49 Брежнев О.В. Реформа российского конституционного судопроизводства 2020 г.: проблемы и тенденции

ДИСКУССИЯ

54 Внукова В.А., Мадыгина О.А., Бурдина М.В.

К вопросу об обязательности вакцинации и ответственности за отказ от прививок.

Анализ постановления Европейского суда по правам человека

Трибуна помощника судьи

59 Шереметьева Н.В. Отказ от ограниченных вещных прав на земельные участки: проблемы доктрины и правоприменения

Подписка по России:

«Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 85499,

«Почта России». Электронный каталог — П1774,

а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 14.07.2021.

Дата выхода в свет: 22.07.2021.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь
Федеральной палаты адвокатов РФ;

Ершов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ,
д.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ,
д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., судья Европейского Суда
по правам человека от РФ, д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке,
д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда
Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда
Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАО,
заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трубецкой Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

No. 8/2021

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT AT THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- 3 Shevchenko I.M.** On the Legal Nature of a Judicial Penalty (Astreinte)
9 Barmina O.N. Problems of Protection of Rights and Legal Interests of a Group of Persons in an Arbitral and Civil Procedure
14 Baturina N.A. Filing of Several Appeals against One Court Ruling: Problems of the Theory and Practice
19 Ershov O.G., Zhdanova A.N. On Recourse Liability of Officials

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- 25 Babenko I.A., Pletnev V.V., Pshava V.V.** On Limits of Rights of a Court of Appeal in Making Decisions Deteriorating the Convict's Position
31 Makarov A.V., Vdovenko M.A. Reparation of the Caused Damage in the Absence of a Victim in Compliance with Conditions for Release from Criminal Liability in View of the Court Fine Imposition
37 Cheburenkov A.A. Peculiarities of the Subject of Proving in Cases on Crimes Involving Sexual Assault of an Individual

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

- 43 Afanasyeva T.I.** On Some Problems of the Legal Support of the Prosecutor's Involvement in Administrative Proceedings

FROM THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

- 49 Brezhnev O.V.** The Reform of Russian Constitutional Proceedings 2020: Problems and Tendencies

DISCUSSION

- 54 Vnukova V.A., Madygina O.A., Burdina M.V.** On the Obligatory Character of Vaccination and the Liability for Refusal from Vaccination. An Analysis of a Resolution of the European Court of Human Rights

ASSISTANT JUDGE TRIBUNE

- 59 Sheremetyeva N.V.** Waiver of Limited Proprietary Rights to Land Plots: Doctrine and Law Enforcement Problems

Subscription in Russia:

Unified Catalogue. Russian Press – index 85499,
Russian Post. Digital Catalogue – П11774
and also through www.lawinfo.ru

Size 60 x 90/8.

Offset printing. Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.

Conventional printed sheet 6,0.

Circulation 4000 copies. Free market price.

Passed for printing: 14.07.2021.

Edition was published: 22.07.2021.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.

ISSN 1812-3791

EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;
Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;
Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;
Dobry'nin K.E., the State Secretary
of the Federal Chamber of Lawyers of the RF;
Ershov V.V., LL.D., Professor;
Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;
Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired)

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., Judge of the European Court of Human Rights
from the RF, LL.D., Associate Professor;
Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;
Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;
Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member of the RAE,
Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.N., Platonova O.F., Trunchevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the
Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02;
12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – law science).
Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors or the Edito-
rial Staff shall be subject to legal prosecution.

О правовой природе судебной неустойки (астрента)

Шевченко Илья Михайлович,

председатель судебного состава
Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области,
кандидат юридических наук
i.shevchenko@mail.ru

Автор, рассуждая о правовой природе судебной неустойки, приходит к выводу о том, что она носит публично-правовой характер, но присуждается частному лицу как вознаграждение за участие в решении публично-правовых задач. Обосновывается возможность применения астрента в административных правоотношениях.

Ключевые слова: судебная неустойка, разделение властей, судебная власть.

On the Legal Nature of a Judicial Penalty (Astreinte)

Shevchenko Ilya M.

Presiding Judge of the Commercial Court of Saint Petersburg and the Leningrad Region
PhD (Law)

The author, having discussed on the legal nature of astreinte, concludes, that it has a public law nature but is awarded to a private person as a remuneration for participating in the achievement of public law aims. It is grounded that astreinte can be applied in administrative law relations.

Keywords: astreinte, separation of powers, judicial power.

Исторические причины появления такого института, как астрент, были следующими. Традиционно европейские правовые порядки придерживались позиции о том, что нельзя понудить должника к исполнению обязательства что-то сделать. Это правило обосновывалось принципом: «Никого не возможно принуждать к действию». В таком случае за кредитором признавалось лишь право на взыскание убытков¹.

Однако с течением времени потребности практики привели к признанию за кредитором права требовать исполнения в натуре обязательства, не связанного с передачей индивидуально-определенной вещи. Довольно типичный пример подобной ситуации: поставщик передал покупателю некое уникальное оборудование и при этом уклоняется от совершения пуска наладки; однако только он в состоянии выполнить такие работы.

В связи с этим возникла необходимость в создании механизма принужде-

ния к исполнению в натуре подобных обязательств, а в сущности — судебных актов, их подтверждающих. Одной из первых на этот запрос ответила французская судебная практика, выработав доктрину *astreinte* — судебного штрафа в виде длящейся санкции за просрочку исполнения обязательств².

Российское право, стремясь избавиться от советского наследия, в 90-е годы не допускало в качестве общего правила принуждения к исполнению обязательства в натуре. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ)³ в своей первоначальной редакции закреплял лишь один случай понуждения к исполнению обязательства в натуре — обязательства передать индивидуально-определенную вещь (ст. 398 ГК РФ).

Однако судебная практика достаточно остро нуждалась в подобных нормах, а также в выработке санкций на случай их неисполнения.

² Там же.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. № 32. Ст. 3301.

¹ Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. М., 2003. С. 13.

Развитие института астрента в отечественном праве началось с постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 12 марта 2013 г. № 8711/12⁴.

Этим постановлением Президиум ВАС РФ отменил постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 2012 г. о частичном удовлетворении заявления конкурсного управляющего МУП «Райжилкомбытгазстрой» о взыскании с муниципального образования «Алексеевский муниципальный район Волгоградской области» в пользу указанного предприятия 17 933 руб. 16 коп. Суд надзорной инстанции сделал вывод об обоснованности заявления в полном объеме.

Кроме того, Президиум ВАС РФ по собственной инициативе взыскал с муниципального района проценты годовых от указанной суммы по учетной ставке (ставке рефинансирования) Центрального банка Российской Федерации, увеличенной на 3%.

Необходимость взыскания таких процентов суд надзорной инстанции объяснил тем, что муниципальное образование не исполняло решение арбитражного суда о взыскании с него денежных средств в течение нескольких лет, притом что на него неоднократно налагались судебные штрафы. Одно только взыскание компенсации за неисполнение судебного акта в разумный срок, заключил Президиум ВАС РФ, не было бы достаточным для понуждения ответчика к исполнению судебного акта.

Мотивируя свое постановление в части определения размера ставки процентов, суд надзорной инстанции сослался на практику Европейского суда по правам человека, который присуждал компенсацию в размере предельной кредитной ставки Европейского центрального банка + 3% годовых (п. 36 постановления ЕСПЧ по делу «ООО ПКГ «Сиб-ЮКАСС» против Российской Федерации»).

⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 марта 2013 г. № 8711/12 // СПС «КонсультантПлюс».

Следующий шаг в развитии норм об астренте связан с принятием постановления Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта». В пункте 3 данного постановления было предусмотрено право суда присудить истцу денежные средства на случай уклонения от исполнения судебного акта об удовлетворении неденежного требования.

В дальнейшем соответствующая норма появилась в законе, а именно в п. 1 ст. 308.3 ГК РФ.

В пункте 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее — Постановление № 7)⁵ было разъяснено, что судебная неустойка не может быть присуждена по спорам, вытекающим из административных правоотношений.

Итак, коротко проследив эволюцию законодательства и судебной практики по вопросу о присуждении судебной неустойки (астрента), попробуем разобраться в ее правовой природе.

Исходя из законодательной «прописки» соответствующей нормы можно предположить, что она представляет собой институт гражданского права (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ).

Но в таком случае мы упираемся в следующую проблему. В нескольких своих определениях ВС РФ подчеркивал, что судебная неустойка не может быть взыскана за неисполнение судебного акта до момента ее присуждения (например, определение от 19 октября 2018 г. № 303-ЭС18-9206)⁶.

Но, если судебная неустойка присуждается лишь на будущее время, это

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 октября 2018 г. № 303-ЭС18-9206 // СПС «КонсультантПлюс».

значит, что изначально она не входила в установленное судом обязательство. Фактически речь идет о новом обязательстве, возникшем из судебного акта.

Могут ли обязательства возникать из судебных актов? Пункт 2 ст. 307 ГК РФ не исключает подобной возможности, поскольку предусматривает, что обязательства могут возникать из оснований иных, чем прямо перечисленные в данном пункте (договоры, деликты и т.п.).

Более того, подп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ прямо устанавливает, что гражданские права и обязанности могут возникать из судебных решений.

Далее мы выходим на еще более «глобальную» проблему соотношения спорного материального правоотношения и судебного решения, направленного на его установление.

По данному вопросу в доктрине имеются две теории: теория декларации и теория приказа.

В рамках теории декларации утверждается, что суд при вынесении решения ничего не добавляет к спорному материальному правоотношению, которое стало предметом его рассмотрения; суд лишь констатирует определенное состояние такого правоотношения на момент вынесения решения.

В рамках теории приказа, напротив, утверждается, что с началом спора в суде материальное правоотношение перестает быть тождественным самому себе, поскольку к нему добавляется публично-правовой элемент. Правоотношение становится комплексным, материально-процессуальным⁷.

При последовательной реализации теории декларации существование судебной неустойки, присуждаемой только на будущее время, станет невозможным. Если суд в своем решении лишь констатирует определенное состояние материально-правового отношения в данный момент времени, то он не может констатировать наличие обязательства

по уплате судебной неустойки в силу вышеприведенной позиции ВС РФ (о присуждении неустойки лишь на будущее время). Возникновение же новых обязательств из судебного решения прямо противоречит основам теории декларации.

В рамках теории приказа возникновение у ответчика новых обязанностей из судебного решения допускается. Однако сущность теории приказа состоит именно в том, что к спорному материальному правоотношению добавляется публично-правовой элемент, обеспечивающий принудительную реализацию спорного права. Тогда взыскание судебной неустойки становится частью этого публично-правового элемента. Наше предположение о гражданско-правовой природе судебной неустойки снова оказалось неверным.

Итак, потерпев неудачу в обосновании отнесения судебной неустойки к гражданскому праву, попробуем отнести ее к нормам публичного права.

В нормах Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)⁸ уже предусмотрена ответственность за неисполнение судебного акта. Часть 1 ст. 332 в совокупности с ч. 1 ст. 119 указанного кодекса позволяет взыскать штраф за неисполнение судебного акта в размере до 5000 руб. с граждан, до 30 000 руб. с должностных лиц и до 100 000 руб. с организаций.

При этом сравнительно небольшой размер штрафов в литературе предлагается компенсировать признанием неисполнения решения длящимся правонарушением, совершаемым в каждую отдельную единицу времени. Другими словами, допустимо взыскивать штраф в размере 100 000 руб. (с организаций) за каждый день неисполнения судебного акта⁹.

⁸ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. № 30. Ст. 3012.

⁹ Халатов С.А. Тезисы к научному круглому столу Юридического института «М-Логос» по теме «Перспективы внедрения в российское право института *astreinte* как особого способа обеспечения исполнения судебного решения». URL: <https://m-logos.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

⁷ Володарский Д.Б. К вопросу о воздействии судебного акта на осуществленное через суд материально-правовое притязание // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 12. С. 18–20.

Означает ли это, что такая санкция, как судебная неустойка, снова становится излишней?

Полагаем, что нет. Обоснование ей может быть найдено в обращении к институту аккузации (*accusatio*), известного римскому праву, сущность которого состоит в преследовании частным лицом публично-правовых целей. Данному институту была посвящена работа И.А. Покровского «Частная защита общественных интересов в Древнем Риме». В ней автор исследует такие формы действия частного лица в публичных интересах, как:

1) уголовное преследование, в том числе за политические преступления, подделку монет и документов;

2) популярные (в общих интересах) интердикты в отношении *res sacrae* и *res publicae*;

3) популярные преторские и эдильные штрафные иски;

4) популярные штрафные иски за нарушение различных общественных и городских интересов;

5) иные популярные иски¹⁰.

Допущение того, что частное лицо может действовать в публичных интересах, позволяет нам объяснить правовую природу судебной неустойки. Действительно, не исполняя решение суда, ответчик совершает правонарушение против правосудия. Конечно, при этом нарушаются права истца, но они подлежат защите путем применения мер гражданско-правовой ответственности: взыскания неустойки, убытков, процентов за пользование чужими денежными средствами и т.п.

На первых этапах развития представлений о судебной неустойке, в частности в п. 2 Постановления № 22, она обосновывалась ссылкой на ст. 395 ГК РФ. Однако это не более чем прием юридической техники. Представляется, что Пленум ВАС РФ сослался на указанную статью ГК РФ, поскольку не нашел другого способа определить размер не-

устойки (астрента), что, однако, не отрицает ее публично-правового характера.

Соответствующая сумма взыскивается в пользу частного лица, поскольку он своими действиями, хотя и направленными непосредственно на удовлетворение своего интереса, решил и публично-правовую задачу повышения исполнимости судебных актов. Присуждение астрента в его пользу — своеобразное вознаграждение за участие в государственных делах.

Ввиду этих соображений мы находим небезынтесным подход, присущий португальскому праву, в котором астрент взыскивается в равных долях в пользу истца и в пользу публично-правового образования¹¹.

Далее обратимся к вопросу о допустимости установления судебной неустойки в делах, возникающих из публичных и иных правоотношений.

Напомним, что ранее это не допускалось в силу п. 30 Постановления № 7.

Однако после принятия этого постановления в АПК РФ была включена ч. 4 ст. 174, в которой было установлено право суда по требованию истца присудить в его пользу денежную сумму, подлежащую взысканию с ответчика за неисполнение судебного акта.

Включение подобной нормы в процессуальный кодекс имеет несомненное преимущество: если п. 1 ст. 308.3 ГК РФ из-за его законодательной «прописки» можно считать относящимся только к гражданским правоотношениям, то ч. 4 ст. 174 АПК РФ имеет универсальный характер и поэтому применима в том числе к публично-правовым отношениям. На это обратил внимание Р.С. Бевзенко¹².

Ввиду этого мы хотели бы порассуждать о роли судов в борьбе с неправо-

¹¹ Карапетов А.Г. Астрент в странах Бенилюкса и Португалии : тезисы к научному круглому столу Юридического института «М-Логос» по теме «Перспективы внедрения в российское право института *astreinte* как особого способа обеспечения исполнения судебного решения». URL: <https://m-logos.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

¹² Бевзенко Р.С. Он улетел, не обещал вернуться. Но вернулся! // Об астренте по публично-правовым спорам // Интернет-портал [Zakon.ru](http://zakon.ru). URL: <http://zakon.ru> (дата обращения: 20.02.2021).

¹⁰ Покровский И.А. Частная защита общественных интересов в Риме // В кн. : *IUS ANTIQUUM*. Древнее право. Ярославль, 1999. С. 190–192.

мерным бездействием органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц, если оно имеет место.

Очевидно, что в нашей стране достаточно много социальных, экономических и прочих проблем, для разрешения которых нужны постоянные активные действия со стороны публичной власти. К их числу относятся: плохое состояние некоторых дорог, проживание части населения в ветхом и аварийном жилье, низкие зарплаты бюджетников и т.п. В 2020 году одной из громких проблем стало неперечисление в полном объеме выплат, причитающихся врачам, борющимся с COVID-19.

В определенной части эти проблемы вызваны бездействием тех или иных органов публичной власти и их должностных лиц. Меры по борьбе с подобным бездействием зачастую носят административный, дисциплинарный характер; состоят в «разносе» нерадивых чиновников в СМИ.

Подобные меры, безусловно, имеют определенный эффект. Однако, с нашей точки зрения, преодоление бездействия публичной власти будет системным и последовательным лишь тогда, когда оно будет основано на праве и к его осуществлению будет привлечена судебная власть.

Праву *reg se* присуща общеобязательность¹³. По меткому выражению М.З. Шварца, закон давит на нас «как столб атмосферного воздуха»¹⁴.

Привлечение населения к обжалованию бездействия органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц будет способствовать реализации идей правового государства.

Как подчеркивается в современной литературе по административному праву, данная отрасль — это не просто администрирование, а админи-

стрирование, основанное на нормах права¹⁵.

Судебная неустойка — ключевой элемент в обеспечении правомерности действий (бездействия) публичной администрации. При судебном контроле за подобными действиями (бездействием) крайне важно учитывать принцип разделения властей (ст. 10 Конституции Российской Федерации).

Суд не может, по общему правилу, замещать волю органов исполнительной власти и принимать за них решения, а также совершать соответствующие действия¹⁶. Суд может применять к публичной администрации лишь косвенное принуждение. И ключевую роль в этом должна играть судебная неустойка.

Несомненным плюсом судебной процедуры является ее гласность: суд всегда должен выслушать обе стороны спора.

Понуждение исполнительной власти совершать те или иные действия не должно носить огульного характера. Любая публичная власть всегда ограничена в финансовых, трудовых и прочих ресурсах, и суд, безусловно, должен принимать это во внимание.

Приведем пример. К вопросам местного значения относится обеспечение сохранности муниципальных дорог (п. 5 ч. 1 ст. 14, п. 5 ч. 1 ст. 15, п. 5 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»)¹⁷.

Предположим, в том или ином муниципальном образовании складывается крайне плачевная ситуация в области дорожного хозяйства.

¹⁵ Singh M.P. German Administrative Law in Common Law Perspective. Heidelberg. 2001. P. 11–13.

¹⁶ Следует отметить, что ряд авторов допускают замещение судом воли органа исполнительной власти. См.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2020 (автор комментария — М.А. Церковников). С. 860, 861.

¹⁷ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. № 40. Ст. 3822.

¹³ Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб., 2004. С. 297, 303, 304.

¹⁴ Шварц М.З. Из устных выступлений.

Вследствие этого гражданин или группа граждан обращаются в суд с заявлением о признании ненадлежащим бездействия органов муниципальной власти по необеспечению надлежащего состояния дорог и обязанности устранить допущенные нарушения.

Представитель местной администрации является в суд и указывает на хронический дефицит муниципального бюджета и невозможность отвлекать средства от финансирования иных, не менее важных вопросов местного значения (например, от финансирования муниципальных образовательных учреждений).

Как нам представляется, в такой ситуации суд должен иметь право принять промежуточное решение¹⁸. Например, суд может обязать органы местного самоуправления содействовать проведению местного референдума или схода граждан по вопросу самообложения граждан для целей ремонта дорог (ст. 22, 25.1 и 56 Закона о местном самоуправлении); обязать муниципальные органы обратиться к региональным властям с просьбой о предоставлении субсидии для ремонта дорог (ст. 63 Закона о местном само-

управлении); организовать социально значимые работы (ч. 2 ст. 17 того же закона).

При этом суду следовало бы учитывать длительные сроки процедур, которые необходимо инициировать для аккумуляции необходимых средств, при установлении крайней даты, к которой органам местного самоуправления необходимо исполнить решение.

С нашей точки зрения, подобное промежуточное судебное решение может предусматривать начисление судебной неустойки (при уклонении публичной власти от исполнения решения суда).

В последующем суд может вернуться к разрешению соответствующего вопроса и вынести окончательное решение по вопросу признания законным или незаконным бездействия органов публичной власти и их должностных лиц.

С нашей точки зрения, именно так должны решаться вопросы государственного и муниципального управления в случае недовольства граждан бездействием органов публичной власти. Гораздо хуже, когда подобные проблемы разрешаются кулуарно, скрытно, на основании личных связей и т.п.

Вот на какие размышления о роли судебной власти в социальной жизни натолкнуло нас исследование вопроса о сущности судебной неустойки.

¹⁸ См.: Шевченко И.М. О необходимости промежуточных судебных решений в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 30–35.

Литература

1. Володарский Д.Б. К вопросу о воздействии судебного акта на осуществленное через суд материально-правовое притязание / Д.Б. Володарский // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 12. С. 6–22.
2. Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре / А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2003. 190 с.
3. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков [и др.] ; ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2020. 1104 с.
4. Покровский И.А. Частная защита общественных интересов в Риме / И.А. Покровский // IUS ANTIQUUM. Древнее право. Ярославль : Спарк, 1999. С. 190–200.
5. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций / А.В. Поляков. Санкт-Петербург : Изд. дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 864 с.
6. Шевченко И.М. О необходимости промежуточных судебных решений в арбитражном процессе / И.М. Шевченко // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 30–35.
7. Singh M.P. German Administrative Law in Common Law Perspective / M.P. Singh. Heidelberg : Springer, 2001. 377 p.

Проблемы защиты прав и законных интересов группы лиц в арбитражном и гражданском процессе

Бармина Ольга Николаевна,

доцент кафедры трудового и предпринимательского права

Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат юридических наук

truhina_olya@mail.ru

В современных условиях глобализации и существенного усложнения гражданского оборота государство должно оперативно и адекватно реагировать на новые вызовы, в том числе путем совершенствования судебных процедур, рассчитанных как на разрешение типовых конфликтных ситуаций, так и на рассмотрение нестандартных правовых споров, осложненных множественностью и неопределенностью заинтересованных лиц (число которых может достигать нескольких тысяч). Однако судебная практика и статистика свидетельствуют о том, что в настоящее время групповой иск не является популярным и востребованным средством защиты, причинами чего является недостаточная разработанность этого института в отечественной правовой доктрине. В представленной статье автор обосновывает необходимость формирования единой конструктивной, понятной и действенной концепции по защите прав и законных интересов группы лиц в арбитражном и гражданском процессе, позволяющей усовершенствовать и унифицировать действующее процессуальное законодательство.

Ключевые слова: группа лиц, арбитражный процесс, гражданский процесс, эффективное судопроизводство, проблемы защиты группы лиц, состав группы лиц, представитель группы лиц, присоединение к групповому требованию, обжалование решения по групповому производству, унификация процесса.

Problems of Protection of Rights and Legal Interests of a Group of Persons in an Arbitral and Civil Procedure

Barmina Olga N.

Associate Professor of the Department of Labor and Entrepreneurial Law of the Volga-Vyatka Institute

(Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

PhD (Law)

In modern conditions of globalization and a significant complication of civil turnover, the state must promptly and adequately respond to new challenges, including by improving judicial procedures designed both to resolve typical conflict situations and to consider non-standard legal disputes complicated by the multiplicity and uncertainty of interested parties (the number of which can reach several thousand). However, jurisprudence and statistics indicate that at present a class action is not a popular and demanded remedy, the reasons for which is the insufficient development of this institution in the domestic legal doctrine. In the presented article, the author substantiates the need for the formation of a unified constructive, understandable and effective concept for the protection of the rights and legitimate interests of a group of persons in arbitration and civil proceedings, which makes it possible to improve and unify the current procedural legislation.

Keywords: group of persons, arbitration process, civil process, effective legal proceedings, problems of protecting a group of persons, the composition of the group of persons, a representative of a group of persons, joining a group claim, appeal against decisions on group proceedings, process unification.

Термин «групповой иск» используется в нормах процессуального права разных стран мира (Англия, Австралия, Канада, Бразилия, Китай, Италия, Япония, Германия) с давних времен¹.

Групповой иск, который известен США — бывшей британской колонии,

гражданского процесса. 2015. № 4. С. 207–260; Шайхутдинова А.И. Групповые (коллективные) иски в гражданском судопроизводстве России и Бразилии: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 108–124.

¹ Аболонин Г.О. Практическое применение групповых исков в некоторых странах мира // Вестник

происходит из английского законодательства. Историки права относят момент его возникновения к XVII в.²

Институт защиты прав и законных интересов группы лиц неоднократно изменялся на уровне законов и прецедентов, и в настоящее время представляет собой специфическую, но очень нужную юридическую конструкцию. Во многих странах он необходим по причине длительности процессов и значительной стоимости судебных издержек (развиты правовые механизмы, делающие выгодным юридическим фирмам участие в групповых производствах). При этом он представляет собой сочетание института судебного представительства и процессуального соучастия, но как от первого, так и от второго серьезно отличается.

В России он впервые был внедрен в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее также — АПК РФ) лишь в 2009 г. Закрепившаяся модель группового производства в российском процессуальном законодательстве (гл. 28.2 АПК РФ) неоднократно подвергалась критике со стороны научного сообщества. Это и не удивительно, поскольку формально закрепленный в арбитражном процессе институт защиты прав и законных интересов группы лиц фактически не работал. В первую очередь критиковался подход законодателя к определению условий предъявления группового иска («единое правоотношение», круг споров и т.д.), к процессуальному порядку стадии подготовки дела к судебному разбирательству, судебному решению. Соответственно, вопрос о реформировании сферы защиты групп лиц давно назревал³.

Изменения, вступившие в силу с 1 октября 2019 г. в АПК РФ, отдельные проблемы уже разрешили, а именно:

² Сутормин Н.А. История развития и современное состояние группового иска в США // Закон. 2018. Август. С. 190.

³ Долганчев В.В. Новый групповой иск в России: краткий обзор // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 14–19.

законодатель отказался от концепции «единого правоотношения», от идеи закрепления конкретных категорий дел, которые могут быть рассмотрены в порядке группового производства. Соблюдения условий, установленных в п. 1 ст. 225.10 АПК РФ.

Гарантиями для потенциальных участников группового иска являются в настоящее время также закрепление времени присоединения к группе в течение всего срока рассмотрения дела (до судебных прений) и возможности обращения с самостоятельным иском.

Таким образом, законодатель предлагает актуализировать иные сферы для работы по правилам групповой защиты прав и законных интересов. Более того, в связи с тем что он также с 2019 г. появился в Гражданском процессуальном кодексе РФ⁴ (далее также — ГПК РФ), групповой иск теперь может быть востребован в сфере оказания услуг жилищно-коммунального хозяйства, для защиты потребителей, потерпевших от загрязнения окружающей природной среды, от незаконного строительства, на фондовом и финансовых рынках и др.⁵ Конечно, не просто многое, а очень многое зависит от судебной практики и толкования судов. Также многое зависит от юристов и юридических компаний — такие иски требуют на первом этапе больших инвестиций в поиске всех потерпевших, создания группы⁶.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁵ Хотя некоторые примеры его применения еще до официального закрепления уже были известны гражданскому процессу. Так, по одному из гражданских дела суд указал, что сформулированное Пленумом Верховного Суда РФ правило актуально не только при разрешении судами дел в порядке АПК РФ, но и ГПК РФ, поскольку в гражданском процессе допускается применение процедуры группового производства по аналогии закона (Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 11 октября 2016 г. по делу № 33-13302/2016 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁶ Ярков В., Кудрявцева Е., Малешин Д., Туманов Д., Смола А., Володарский Д., Сутормин Н., Кондрашов И., Бирюков В., Бевзенко Р., Авилкин В., Фаст И., Молчанов А. Групповые иски

Важной новеллой является также и то, что теперь более подробно, в отличие от существовавшей до 1 октября 2019 г. редакции гл. 28.2 АПК РФ, регулируется правовой статус членов многочисленной группы лиц. Так, в соответствии со ст. 225.10-2 АПК РФ и ст. 244.23 ГПК РФ участники группы, присоединившиеся к групповому иску, могут знакомиться с материалами дела; ходатайствовать в арбитражном суде/суде общей юрисдикции о замене лица, которое ведет дело в интересах группы лиц; присутствовать в судебном заседании; отказаться от поданного ими заявления о присоединении к требованию и др.

Таким образом, законодатель более четко определил объем прав и обязанностей участников многочисленной группы, при этом новые правила о групповых исках совершенно верно определили статус участников группы как не лиц, участвующих в деле⁷. В противном случае терялся бы сам смысл группового иска, если бы участники группы были наделены объемом прав лиц, участвующих в деле, в соответствии со ст. 40 АПК РФ.

Анализ данных АПК РФ, ГПК РФ и доктрины убеждает в том, что отдельные проблемы этой сферы все же еще не разрешены. Так, прокомментируем общие условия предъявления группового иска по новым правилам АПК РФ, в котором указано следующее.

1. Имеется общий по отношению к каждому члену группы лиц ответчик. Однако может ли быть таких ответчиков несколько и возможно ли участие группы на стороне ответчика? Думается, да. И не только на стороне

ответчика, вполне можно и нужно предусмотреть возможность участия группы лиц также на стороне третьего лица. Так, в гражданском обороте стороной определенного правоотношения может являться гражданско-правовое сообщество (сообщество собственников жилых помещений в многоквартирном доме)⁸.

2. Предметом спора являются общие либо однородные права и законные интересы членов группы лиц. Как представляется, в состав группы лиц могут входить субъекты предпринимательства и граждане одновременно, поскольку здесь законодатель целенаправленно расширил сферу, указав как на общие права и законные интересы, так и на их однородность.

3. В основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчика лежат схожие фактические обстоятельства. Что законодатель подразумевает под схожими фактическими обстоятельствами, пояснений нет. Однако предлагается этот вопрос уточнить, тем более что доктриной и практикой четких критериев схожих фактических обстоятельств не выработано; ведь никакой симбиоз правового инструментария и схожих фактических обстоятельств не может предопределить результаты конкретного судебного разбирательства⁹.

4. Использование всеми членами группы лиц одинакового способа защиты своих прав. Необходимость использования всеми членами группы лиц одинакового способа защиты своих прав законодатель также не уточняет. Вместе с тем известно, что одноименные способы защиты зачастую регулируются различными нормами права, что может быть проиллюстрировано на примере договора купли-продажи некачественного товара. В зависимости от того, кто выступает заявителем (субъект

в цивилистическом процессе России // Закон. 2019. № 8. С. 24–43.

⁷ Вместе с тем дискуссионным является то, куда следует отнести участников группы лиц в рамках принятой классификации участников цивилистического процесса (см. подробнее: Долганичев В.В. Новый групповой иск в России: краткий обзор // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 14–19).

⁸ Шевченко И.М. Участие группы лиц в арбитражном процессе: только ли на стороне истца? // Российский судья. 2019. № 12. С. 7–12.

⁹ Сычева О.А. Здравый смысл в судебном доказывании // Российский судья. 2019. № 8. С. 15–20.

предпринимательской деятельности или гражданин-потребитель) требования о ремонте или замене товара, например, будут подчинены действию различных нормативных правовых актов: нормам главы 30 Гражданского кодекса РФ¹⁰ и/или законодательству о защите прав потребителей¹¹.

В главе 22.3 ГПК РФ эти правила (и соответственно проблемы) дублируются.

Минимально допустимое количество лиц для предъявления иска по положениям АПК РФ должно составлять 5+1 членов группы, в отличие от ГПК РФ, например, где для такого производства необходим 20+1 член группы.

Вместе с тем вопросы необходимости унификации правил гражданского и арбитражного процесса поднимаются учеными в диссертационных работах все чаще¹² и учитываются при разработке поправок в процессуальные кодексы (хотя и довольно фрагментарно)¹³.

Истец-представитель — это не только лицо, которое непосредственно обратилось в защиту прав и законных интересов группы лиц, но и иное лицо, которое определяется участниками группы. Для того чтобы разрешить проблему, каким образом участники группы будут достигать такое соглашение и каков статус представителя группы, необходимо точно определить это в кодексах. Более того, и ГПК РФ, и АПК РФ допускают возможность привлекать для ведения дела представителя, однако в кодексах не указано, какие права он имеет, что и где должно быть огово-

рено: в доверенности или соглашении. Как представляется, в таком случае должна быть подготовлена доверенность, где четко должен быть определен объем полномочий представителя (закреплены общие и/или специальные полномочия). Соглашение с членами группы лиц может носить в таком случае характер уточнений (например, в вопросах о судебных расходах).

Нерешенными являются также вопросы содержания и полноты решения по групповым искам, его обжалования, исполнения. Так, кто имеет право обжаловать решение суда: любое лицо по делу или только представитель группы? Как представляется, обжаловать судебный акт может и должно лицо — представитель группы лиц, собственно говоря, то лицо, которое наделено полномочиями по ведению дела в суде. В отдельных случаях таким правом надо наделить и участников группы лиц, в частности тех, кто был в ходе процесса не согласен с позицией представителя группы и активно это выражал (например, предлагал его сменить, выступал против ведения дела в суде данным представителем, заявлял соответствующие ходатайства). И также следует предусмотреть возможность обжалования судебного акта теми субъектами, кто не участвовал в процессе рассмотрения дела, но о правах и обязанностях которых принят судебный акт.

Таким образом, на современном этапе развития процессуальной науки институт группового производства представляет собой довольно значимую гарантию защиты прав и законных интересов тяжущихся лиц, поскольку обеспечивает им доступ к правосудию без непосредственного участия в процессе¹⁴. В АПК РФ и ГПК РФ должны

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹¹ Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1996. № 8.

¹² Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. 29 с.

¹³ Сапожников С.А., Бармина О.Н. К вопросу о требованиях, предъявляемых к исковому заявлению в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12. С. 14–18.

¹⁴ «У государства имеется позитивная обязанность выявлять и устранять недопустимые ограничения доступа, ведущие к отказу в правосудии» (Кошечева Е.С. Значение решений Европейского суда по правам человека в толковании права на суд // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2-1. С. 74).

быть усовершенствованы отдельные нормы права, обеспечивающие реализацию права на судебную защиту в порядке группового производства, и эти правила, как представляется, должны быть в первую очередь унифицированы. Также требуется разработка разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по отдельным вопросам применения правил группового производства в Российской Федерации в целях создания единообразного, понятного и эффективного механизма защиты прав и законных интересов потребителей, работников, объединений граждан и субъектов предпринимательства, в целом способного ответить на вызовы современности.

Сказанное выше убеждает нас в том, что институт группового производства имеет большой потенциал, однако в настоящее время он фактически не ра-

ботает в том режиме, какой мы можем видеть в зарубежных странах. Например, не так давно активно обсуждался инцидент, связанный с компанией Apple и ее многомиллионными компенсациями в адрес недовольных клиентов и властей из США, а также ряда европейских стран. Практика подачи групповых исков стала одной из тем обсуждения — почему в России нет такой практики? Многие эксперты указывали, что групповой иск дает значительные преимущества, в отличие от необходимости подавать множественные единичные иски, затраты на каждый из которых значительны, а это часто останавливает пострадавших потребителей от защиты своего права¹⁵.

¹⁵ Групповой иск: возможен и в России, с участием нотариуса // Новости. 20.11.2020. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/grupповой-isk-vozmozhen-i-v-rossii-s-uchastiem-notariusa> (дата обращения: 26.02.2021).

Литература

1. Аболонин Г.О. Практическое применение групповых исков в некоторых странах мира / Г.О. Аболонин // Вестник гражданского процесса. 2015. № 4. С. 207–260.
2. Долганичев В.В. Новый групповой иск в России: краткий обзор / В.В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 14–19.
3. Кошечева Е.С. Значение решений Европейского суда по правам человека в толковании права на суд / Е.С. Кошечева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2-1. С. 69–75.
4. Сапожников С.А. К вопросу о требованиях, предъявляемых к исковому заявлению в гражданском и арбитражном процессе / С.А. Сапожников, О.Н. Бармина // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12. С. 14–18.
5. Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Слепченко. Санкт-Петербург, 2011. 29 с.
6. Сутормин Н.А. История развития и современное состояние группового иска в США / Н.А. Сутормин // Закон. 2018. № 8. С. 186–197.
7. Сычева О.А. Здравый смысл в судебном доказывании / О.А. Сычева // Российский судья. 2019. № 8. С. 15–20.
8. Шайхутдинова А.И. Групповые (коллективные) иски в гражданском судопроизводстве России и Бразилии: сравнительно-правовое исследование / А.И. Шайхутдинова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 108–124.
9. Шевченко И.М. Участие группы лиц в арбитражном процессе: только ли на стороне истца? / И.М. Шевченко // Российский судья. 2019. № 12. С. 7–12.
10. Ярков В. Групповые иски в цивилистическом процессе России / В. Ярков [и др.] // Закон. 2019. № 8. С. 24–43.

Подача нескольких апелляционных жалоб на один судебный акт: проблемы теории и практики

Батурина Наталья Александровна,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
nataljabtrn@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы, возникающие в связи с подачей нескольких апелляционных жалоб на один судебный акт. Основываясь на анализе юридической литературы, процессуального законодательства и судебной практики автор статьи отрицательно оценивает возвращение в гражданское процессуальное законодательство нормы, позволяющей суду второй инстанции пересматривать апелляционное определение в случае поступления новых апелляционных жалоб от других лиц.

Ключевые слова: гражданский процесс, право апелляционного обжалования, апелляционная жалоба, встречная апелляционная жалоба, возражение на апелляционную жалобу.

Filing of Several Appeals against One Court Ruling: Problems of the Theory and Practice

Baturina Natalya A.
Associate Professor of the Department of Civil Procedure
of the Saratov State Law Academy
PhD (Law), Associate Professor

This article deals with problems connected with appeals on one judicial act. Based on the analysis of legal literature, procedural legislation and judicial practice, the author of this article demonstrates his negative attitude towards returning into civil procedural legislation allowing the court of the second instance to revise appellate ruling in case of an admission of new complaints or appeals from others.

Keywords: civil procedure, the right of appeal, appeal, cross-appeal, an objection to appeal.

Когда обе стороны недовольны решением суда, это значит, что суд поработал на славу и нашел правильное решение.

Джон Гришем. Шантаж

Право на судебную защиту включает в себя не только право заинтересованного лица на рассмотрение его дела судом первой инстанции, но и его право на обжалование постановления суда в вышестоящую инстанцию. Действующее гражданское процессуальное законодательство наделяет правом апелляционного обжалования стороны и других лиц, участвующих в деле, а также лиц, которые не были привлечены к участию в деле, но вопрос о правах и об обязанностях которых был решен судом (ст. 320 Гражданского процессуального кодекса РФ; далее — ГПК РФ). В судебной практике нередки ситуации, когда судебный акт одновременно не устраивает нескольких субъектов, имеющих право апелляционного обжалования.

В связи с этим несколько субъектов подают на один судебный акт апелляционные жалобы, которые затем назначаются к рассмотрению и рассматриваются в рамках одного заседания в суде апелляционной инстанции¹.

В случае подачи на один судебный акт нескольких апелляционных жалоб неминуемо происходит усложнение апелляционного производства. В этой связи определенный исследовательский интерес представляют проблемы апелля-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2021).

ционного производства, возникающие по причине обжалования судебного постановления сразу несколькими лицами.

По содержанию требований поданные на один судебный акт апелляционные жалобы могут быть как идентичными, так и различными (противоположными). Идентичными апелляционные жалобы могут быть, например, в случае обжалования судебного решения соучастниками или третьими лицами, выступающими со стороны лица, обратившегося с первоначальной апелляционной жалобой (присоединение к апелляционной жалобе)². Противоположными — в случае частичного удовлетворения исковых требований, когда истец и ответчик одновременно могут обжаловать судебное решение в части, вынесенной не в интересах каждого³. Последний случай схож с ситуацией подачи встречного искового заявления, именно поэтому такие апелляционные жалобы получили название встречных.

В настоящее время возможность присоединения к апелляционной жалобе и подача встречной апелляционной жалобы предусмотрена процессуальным законодательством ряда зарубежных стран⁴. Данные институты были известны и российскому дореволюционному процессуальному законодательству (ст. 764 Устава гражданского судопроизводства)⁵. Возможность присоединения к апелляционной жалобе предусматривалась

процессуальным законодательством советского периода⁶.

Действующее гражданское процессуальное законодательство России не предоставляет право соучастникам и третьим лицам вступить в процесс на стадии апелляционного производства путем присоединения к ранее поданной жалобе. Возможность подачи встречной апелляционной жалобы действующим ГПК РФ также не предусмотрена. В этой связи, учитывая эффективность реализации такой практики в развитых зарубежных процессуальных системах, отдельные ученые-процессуалисты считают, что и в российском гражданском процессуальном законодательстве необходимо закрепить возможность встречного апелляционного обжалования⁷.

ГПК РФ предоставляет возможность лицам, не согласным с обжалованием судебного акта, обратиться с письменным возражением относительно поданных апелляционных жалоб (ч. 2 ст. 325 ГПК РФ). Однако ГПК РФ не содержит указания на содержание возражения на апелляционную жалобу. Предполагается, что такое возражение должно быть составлено на основе содержания апелляционной жалобы, конкретных обстоятельств дела и обжалуемого судебного акта. Законодательство прямо не запрещает лицу, приносящему возражение на апелляционную жалобу, просить в нем об изменении или отмене полностью либо в части обжалованного другой стороной судебного постановления. Возможно, именно поэтому в юридической литературе высказывается мнение, что в настоящее время встречная апелляция заменяется возражением на апелляционную жалобу⁸. С этим положением, однако, нельзя согласиться. Подача возражения на апелляционную жалобу преследует цель защитить

² Например, см.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Тамбовского областного суда от 31 января 2018 г. № 33-5088/2017, 33-231/2018. URL: <https://zakony.online/doc/33-50882017-33-2312018-opredelenie> (дата обращения: 30.04.2021).

³ Например, см.: Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 2 октября 2019 г. по делу № 33-19222/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.2021).

⁴ Подробнее см.: Проверка судебных постановлений в гражданском процессе: российский и зарубежный опыт : учебное пособие / под ред. проф. Е.А. Борисовой. М. : Изд. дом «Городец», 2018. 672 с.

⁵ См.: Устав гражданского судопроизводства с объяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента и общего собрания Кассационных и I и II департаментов Правительствующего сената / сост. А.Л. Боровиковский. 6-е изд., неофиц. / испр. и доп. П.Н. Гуссаковский. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1908.

⁶ См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Например, см.: Коршунов Ю.А. Институт апелляционных судов в России и зарубежный опыт деятельности апелляционных судов // Вопросы российского и международного права. М., 2019. Т. 9. № 2А. С. 247.

⁸ См.: Будак Е.В. Принцип диспозитивности в апелляционном производстве России и Австрии (опыт сравнительного правоведения) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10.

интерес (поставленный под угрозу подачей апелляционной жалобы) лиц, которые удовлетворены судебным актом. Таким образом, главное отличие возражений на апелляционную жалобу от самостоятельной апелляционной жалобы заключается в том, что в возражении не может быть требований об отмене или изменении судебного акта, а должны приводиться аргументы, подтверждающие законность и обоснованность обжалуемого судебного постановления. Заметим, что в судебной практике нередки случаи, когда возражение на апелляционную жалобу по содержанию представляет собой апелляционную жалобу. В этом случае вышестоящие суды признают возражение формой обжалования судебного акта, не соответствующей требованиям гражданского процессуального законодательства, что влечет за собой оставление жалобы без рассмотрения (отложение судебного разбирательства по делу) и направление дела в суд первой инстанции⁹.

Из анализа норм ГПК РФ следует, что подача возражений на апелляционную жалобу — это право, а не обязанность участника судебного процесса. Аналогичный вывод следует и из анализа процессуальных норм зарубежного законодательства¹⁰. Однако, например, в США подача возражения на апелляционную жалобу стороной, согласной с судебным актом, выступает в качестве условия сохранения права на дальнейшее обжалование судебного акта на случай отмены или изменения его судом второй инстанции¹¹.

Как уже ранее было отмечено, все апелляционные жалобы, поданные на

один судебный акт, должны быть рассмотрены в одном судебном заседании суда апелляционной инстанции¹². Между тем суды апелляционных инстанций не всегда выполняют данное предписание. По сложившейся судебной практике нерассмотрение судом апелляционной инстанции всех поданных на судебный акт апелляционных жалоб в одном судебном заседании расценивается судом кассационной инстанции как существенное нарушение норм процессуального права и является основанием для отмены апелляционного определения с направлением дела на новое апелляционное рассмотрение¹³.

В судебной практике нередко субъекты, имеющие право на апелляционное обжалование, обращаются с апелляционными жалобами после истечения срока обжалования и направления материалов дела по апелляционной жалобе другого лица в суд апелляционной инстанции. В таких ситуациях суды апелляционных инстанций вынуждены возвращать материалы дела, полученные с ранее поступившими жалобами, в суд первой инстанции. Важно отметить, что установленные ст. 327.2 ГПК РФ сроки рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции, исчисляются со дня поступления дела с последней апелляционной жалобой¹⁴.

Российскими учеными и практиками неоднократно высказывались критические замечания в адрес положения о возвращении дела в суд первой

⁹ Например, см.: Определение судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда от 9 марта 2017 г. по делу № 33-1330/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VOsKrw8hSvQ4/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 19.03.2021).

¹⁰ Подробнее см.: Борисова Е. А. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе: российский и зарубежный опыт: учебное пособие. М.: Изд. дом «Городец», 2018. 672 с.

¹¹ См.: Evanson B., Holecsek M. *Appealing After A Win: How To Use Conditional Cross-Appeal*. URL: <https://www.gibsondunn.com/wp-content/uploads/documents/publications/Evanson-Holecsek-Appealing-After-A-Win-How-To-Use-Conditional-Cross-Appeal-Law360-9-2-16.pdf> (дата обращения: 19.03.2021).

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2021).

¹³ Например, см.: Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 27 ноября 2019 г. по делу № г-438/19. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 29.04.2021).

¹⁴ Следует отметить, что Верховный Суд РФ указывает на право суда апелляционной инстанции в целях соблюдения разумных сроков судопроизводства (ст. 6.1 ГПК РФ) не направлять материалы дела в суд первой инстанции и выполнить действия, предусмотренные ч. 1 ст. 325 ГПК РФ, если установит, что вновь поступившие апелляционные жалобы (представления) поданы в установленный ст. 321 ГПК РФ срок и соответствуют всем требованиям ст. 322 ГПК РФ, однако суды апелляционной инстанции нередко игнорируют данное разъяснение.

инстанции в случае поступления других апелляционных жалоб по одному делу. В частности, О.В. Баулин верно замечает, что в правоприменительной практике использование судами апелляционных инстанций данных разъяснений позволяет недобросовестным лицам злоупотреблять своими процессуальными правами с целью задержать вступление судебного акта в законную силу¹⁵. В этой связи считаем правильным присоединиться к мнению тех ученых, которые предлагают делегировать суду апелляционной инстанции право совершения процессуальных действий, указанных в ст. 323–325 ГПК РФ, в случае поступления новых апелляционных жалоб¹⁶.

В судебной практике, если разными участниками дела подавалось несколько апелляционных жалоб, а по одной (нескольким) из них был пропущен срок, это не является препятствием для рассмотрения жалоб, поданных надлежащим образом. Особое место нужно отвести ситуации, когда уже после вынесения апелляционного определения поступили апелляционные жалобы от других лиц, которым был восстановлен пропущенный срок на апелляционное обжалование.

Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ГПК РФ была введена ст. 330.1, определяющая действия апелляционной инстанции при поступлении новых жалоб уже после того, как рассмотрена первая жалоба, а именно: суд обязан принять такие жалобы к своему производству. Если в результате рассмотрения вновь поданной апелляционной жалобы суд апелляционной инстанции придет к иному результату рассмотрения дела, то ранее вынесенное апелляционное определение должно быть отменено и вынесено новое. Данное

законодательное положение представляет собой исключение из правила о невозможности признания судом незаконным собственного судебного акта. Аналогичный подход законодатель избрал и для административного судопроизводства (ст. 312 Кодекса административного судопроизводства РФ; далее — КАС РФ).

Заметим, что положение ст. 330.1 ГПК РФ не является процессуальной новеллой. Ранее подобная норма уже имела место в гражданском процессуальном законодательстве (ст. 285 ГПК РСФСР 1964 г. и ч. 1 ст. 370 ГПК РФ 2002 г.) применительно к кассационному производству, однако в 2012 г. нормы гл. 40 ГПК РФ были признаны утратившими силу.

В доктрине гражданского процессуального права по-разному характеризуется законодательное положение о праве апелляционного суда на отмену собственного апелляционного определения. Так, одни ученые положительно оценивают его, аргументируя это тем, что оно служит дополнительной гарантией законности и обоснованности принятого по делу судебного акта, дает возможность субъектам реализовать принадлежащее им право на апелляционное обжалование, а также представляется важным с точки зрения преодоления риска принятия противоречащих друг другу постановлений вышестоящих судов¹⁷, кроме того, является вполне допустимым самоконтрольным полномочием суда второй инстанции¹⁸, которое соответствует принципу процессуальной экономии¹⁹. Другие, напротив, подвергли данное положение глубокой критике по причине противоречия логике процессуального закона и правовой природе апелляции

¹⁷ См.: Попова Н.И. Преодоление риска принятия противоречащих друг другу судебных актов в арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 47.

¹⁸ См.: Жукова О.В. Обеспечение доступности правосудия в стадии кассационного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 8.

¹⁹ См.: Шакирьянов Р.В. Вопросы процессуальной экономии в Постановлении Пленума ВС РФ от 19.06.2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Вестник гражданского процесса. М., 2013. № 1.

¹⁵ См.: Баулин О.В. Реформа апелляционного производства в гражданском процессе — не реализованная возможность. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/reforma-apellyatsionnogo-proizvodstva-v-grazhdanskom-protsesse-neralizovannaya-vozmozhnost> (дата обращения: 30.04.2021).

¹⁶ См.: Чекмарева А.В. Проблемы подготовительных процедур в гражданском процессе и возможные пути их решения : монография / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов : Наука, 2015. С. 224.

как проверочной инстанции²⁰, а также из-за создания благоприятных условий для процессуальных злоупотреблений со стороны недобросовестных апеллянтов, что приводит к нарушению принципа равноправия сторон, поскольку не учитывает интересы лиц, согласных с судебным актом и заинтересованных в его скорейшем исполнении²¹.

Как видим, при столкновении реализации права апелляционного обжалования и принципа правовой определенности законодатель отдал приоритет первому. По справедливому замечанию Л.А. Тереховой, ситуация правовой неопределенности для лиц, согласных с постановлением суда, не может продолжаться бесконечно, а поэтому она предлагает установить пресекательный срок, за пределами которого вопрос о восстановлении срока апелляционного обжалования уже не может быть поднят²². Способом минимизации обозначенной практической проблемы может выступить введение нормы, ограничивающей принятие апелляционных жалоб, поступивших от других лиц, после вынесения апелляционного определения.

²⁰ См.: Князев А.А. Законная сила судебного решения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 19.

²¹ См.: Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 132.

²² См.: Там же.

Литература

1. Будак Е.В. Принцип диспозитивности в апелляционном производстве России и Австрии (опыт сравнительного правоведения) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Будак. Москва, 2009. 25 с.
2. Коршунов Ю.А. Институт апелляционных судов в России и зарубежный опыт деятельности апелляционных судов / Ю.А. Коршунов // Вопросы российского и международного права. М., 2019. Т. 9. № 2А. С. 244–254.
3. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе: российский и зарубежный опыт : учебное пособие / под редакцией Е.А. Борисовой. Москва : Городец, 2018. 672 с.
4. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты / Л.А. Терехова. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 320 с.
5. Тимофеев Ю.А. Новеллы апелляционного производства / Ю.А. Тимофеев // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 42–47.
6. Чекмарева А.В. Проблемы подготовительных процедур в гражданском процессе и возможные пути их решения : монография / А.В. Чекмарева ; под редакцией О.В. Исаенковой. Саратов : Наука, 2015. 356 с.
7. Шакирьянов Р.В. Вопросы процессуальной экономии в Постановлении Пленума ВС РФ от 19.06.2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» / Р.В. Шакирьянов // Вестник гражданского процесса. 2013. № 1. С. 242–282.

Бесспорно, право на обжалование является важнейшим условием справедливого судебного разбирательства. Вместе с тем гарантию его реализации следует искать не в неоднократном пересмотре судебного акта одной проверочной инстанцией. Учитывая, что в кассационных судах общей юрисдикции пересмотр по многим положениям дублирует пересмотр в суде апелляционной инстанции, считаем целесообразным, чтобы после вынесения апелляционного определения вновь поступившие апелляционные жалобы на основании п. 2 ч. 1 ст. 324 ГПК РФ возвращались лицу, обратившемуся с жалобой, с разъяснением права обратиться за защитой своих прав и законных интересов в суд кассационной инстанции.

В заключение хотелось бы подтвердить обоснованность предложенного в качестве эпиграфа к настоящей статье высказывания. Как показал проведенный анализ судебной практики, при повторном пересмотре дела по новой апелляционной жалобе суд апелляционной инстанции крайне редко выносит новое по существу апелляционное определение. В преобладающем большинстве случаев апелляционный суд отказывает в удовлетворении вновь поступивших жалоб, тем самым констатируя, что раздельное рассмотрение апелляционных жалоб не повлияло на результат.

О регрессной ответственности служащих

Ершов Олег Геннадьевич,

доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук, доцент
Ershov_@rambler.ru

Жданова Александра Николаевна,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
Alix2008@yandex.ru

В работе поднимается проблема правовой природы регрессной ответственности служащих, приводятся аргументы в пользу ее гражданско-правовой сущности. Обращается внимание на неоднозначное понимание в правоприменительной практике условий регрессной ответственности.

Ключевые слова: регрессная ответственность, государственные служащие, гражданское право, трудовое право.

On Recourse Liability of Officials

Ershov Oleg G.

Associate Professor of the National Research University
Higher School of Economics (NRU HSE)
PhD (Law), Associate Professor

Zhdanova Aleksandra N.

Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines
of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)

The work raises the problem of the legal nature of recourse responsibility of employees, provides arguments in favor of its civil legal essence. Attention is drawn to the ambiguous understanding in law enforcement of the conditions of recourse liability.

Keywords: regressive liability, civil servants, civil law, labor law.

Следствием удовлетворения исков, предъявленных к Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям в лице главных распорядителей бюджетных средств на основании ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК), является возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями (бездействием) служащих, за счет средств казны Российской Федерации.

В свою очередь, п. 3.1 ст. 1081 ГК закрепляет правовой механизм защиты имущественных интересов государства, поскольку предоставляет публично-правовому образованию в случае возмещения вреда право предъявления регрессного требования к лицу, в связи с незаконными действиями (бездействием) которого за счет казны произведено

возмещение. Дальнейшее развитие такой механизм защиты получил в нормах специальных законов, посвященных вопросам прохождения службы¹.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод об отсутствии единообразия подходов как в понимании природы регрессной ответственности служащих, так и в оценке судами основания и условий ее наступления. Так, например, из позиции Верховного Суда РФ следует, что в обоснование регрессной ответственности со стороны заявителей были приведены доводы о применении ст. 1081 ГК, а необходимо применять

¹ Например, Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о службе) и др.

нормы ст. 256 Трудового кодекса РФ² (далее — ТК). В ряде случаев суды отказывают в удовлетворении регрессных требований³, в других взыскивают со служащих вред в размере средней месячной заработной платы⁴, в третьих — привлекают служащих к ответственности на полную сумму выплат из казны, которые были сделаны ранее потерпевшим по вступившим в законную силу судебным актам⁵.

Причины отсутствия единообразия в толковании и применении судами норм права, а также в разрешении споров о регрессной ответственности служащих, на наш взгляд, обусловлены двумя **ключевыми факторами**: во-первых, окончательно не решен вопрос о правовой природе регрессной ответственности, считать ли такую ответственность гражданско-правовой или речь должна идти о материальной ответственности, известной трудовому праву; во-вторых, дискуссионны взгляды об основаниях и условиях наступления регрессной ответственности.

Следствием этого, в судебной практике также сформировались разные подходы в применении сроков исковой давности. Например, если суд исходит из того, что регрессная ответственность — это гражданско-правовая конструкция, то ориентируются на срок исковой давности в три года (п. 1 ст. 196 ГК), исчисляемый с момента исполнения судебного решения о взыскании с казны денежных сумм на основании ст. 1069 ГК, что соответствует п. 3 ст. 200 ГК. Если считать такую ответственность конструкцией

трудового права, то срок исковой давности составляет один год (ст. 392 ТК) с момента обнаружения причиненного ущерба.

Следует отметить, что и на уровне доктрины по вопросам регрессной ответственности служащих не наблюдается единой позиции⁶. В связи с тем что поставленная проблема является емкой и требует серьезного монографического исследования, обратим лишь внимание на ряд проблемных моментов, которые требуют своего разрешения в целях обеспечения единообразного формирования судебной практики.

Принципиальным, на наш взгляд, является вопрос о правовой природе регрессной ответственности служащих. Если исходить из того, что регрессная ответственность служащих является гражданско-правовой ответственностью, то следует руководствоваться общим принципом деликтного обязательства — причиненный вред должен быть возмещен в полном объеме (п. 1 ст. 1064 ГК). Напротив, рассматривая регрессную ответственность как разновидность ответственности материальной, основанной на нормах трудового права, необходимо исходить из общего правила возмещения ущерба — ущерб служащим должен возмещаться по общему правилу в пределах среднего месячного заработка (ст. 241 ТК).

По вопросу правовой природы регрессной ответственности служащих позиция Верховного Суда РФ, а также большинства нижестоящих судов заключается в том, что регрессная ответственность служащих — это ответственность материальная, основанная на нормах трудового права. В качестве аргумента указывается на то, что специальное законодательство, а именно ст. 15 закона

² Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017).

³ Например, Апелляционное определение Орловского областного суда от 10 сентября 2019 г. по делу № 33-2596/2019.

⁴ Например, Апелляционное определение Саратовского областного суда от 28 июня 2018 г. по делу № 33-3764/2018.

⁵ Например, Апелляционное определение Московского городского суда от 10 августа 2017 г. по делу № 33-23345/2017.

⁶ Так, например, механизм регрессной ответственности достаточно часто рассматривается в аспекте материальной ответственности работника перед работодателем (См., например: Феофилактов А.С. Регрессные требования к работнику: проблемы соотношения гражданского и трудового законодательства // Трудовое право. 2010. № 2. С. 63–73) или как механизм ограничения ответственности государства за вред, причиненный незаконной деятельностью должностных лиц государственных органов (См., например: Медведева Т.М. Возмещение вреда, причиненного правоохранительными органами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1984).

о службе допускает субсидиарное применение норм трудового права. Следовательно, суды, руководствуясь п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» (далее — Постановление Пленума 52), с учетом степени и формы вины причинителя вреда снижают размер возмещения⁷.

Причины, по которым суды занимают такую позицию, скорее, связаны с тем, что отношения службы рассматриваются как некий аналог трудовых отношений, в которых служащий выполняет порученную ему функцию, и нельзя допустить чрезмерное возложение на него, как на «слабую сторону», бремени возмещения убытков в полном объеме. Допущение возможности возмещения вреда в полном объеме, в сравнении с обычным работником, не будет способствовать как формированию инициативы поступления на государственную службу, так и принятию служащим необходимых решений.

На наш взгляд, сформировавшийся подход по вопросу правовой природы регрессной ответственности имеет существенные недостатки.

Во-первых, условия субсидиарного применения норм трудового права к отношениям службы прямо закреплены в законе. Например, в соответствии со ст. 3 закона о службе нормы трудового законодательства применяются только в случаях, когда отношения напрямую не могут быть урегулированы специальными нормами. Напротив, когда ставится вопрос о регрессной ответственности, нормы прямого действия специальным законодательством прямо закреплены. Следовательно, допускать альтернативу или конкуренцию выбора норм в этом случае недопустимо. Необходимо применять специальные нормы прямого действия. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 3 закона о службе трудовое законодательство применяется субсидиарно, если законодательством о службе отношения напрямую не урегулированы.

Во-вторых, регрессная ответственность отличается от материальной ответственности, в первую очередь субъектом, которому причинен вред, и источником возмещения такого вреда. При регрессной ответственности потерпевшим выступает публично-правовое образование и вред возмещается из казны. В соответствии с п. 4 ст. 214 ГК казну составляют средства соответствующего бюджета и иное имущество, не закрепленное за государственными предприятиями и учреждениями, т.е. речь идет о **нераспределенной собственности**. Органы исполнительной власти, являясь главными распорядителями бюджетных средств, по искам о возмещении вреда в рамках ст. 1069 ГК выступают лишь представителями казны. Напротив, материальная ответственность может возникнуть тогда, когда вред причинен имуществу, которое закреплено за государственным органом на праве оперативного управления. В этом случае речь идет о **распределенной собственности**.

Важно обратить внимание, что при квалификации регрессной ответственности необходимо устанавливать, что действиями служащего вред причиняется не нанимателю, который от имени Российской Федерации заключил со служащим контракт о прохождении службы, а третьим лицам (физическим и юридическим лицам), с которыми служащий не находится в служебных отношениях. Кроме того, вред противоправными действиями служащего причиняется не имуществу, которое принадлежит на праве оперативного управления органу исполнительной власти либо созданным таким органом учреждениям, а казне.

Именно по такому критерию при рассмотрении споров можно провести разграничение с материальной ответственностью в случае причинения вреда третьим лицам. Так, например, в п. 15 Постановления Пленума 52 ущерб, причиняемый работником, выражается в уменьшении или ухудшении состояния имущества работодателя, в том числе находящегося у работодателя имущества третьих лиц. В буквальном смысле это означает, что имуществом здесь признается вещь третьего лица, которая была передана работодателем работнику на сохранность, и за несохранность такой

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2017 г. № 83-КГ17-12.

вещи работник несет ответственность. Когда речь идет о регрессной ответственности служащего, работодатель **не совершает** никаких действий по передаче служащему какого-либо имущества третьих лиц. Причинение вреда здесь происходит не уничтожением или ухудшением вещи, а уменьшением средств казны на суммы выплаченных денежных средств по судебным решениям, принятым в пользу физических и юридических лиц на основании ст. 1069 ГК.

При этом при регрессной ответственности не ставится вопрос восстановления имущества по фактическим потерям, исчисляемым исходя из рыночных цен, действующих в данной местности на день причинения ущерба, в сравнении, как это необходимо сделать для оценки ущерба по материальной ответственности, если исходить из п. 13 разъяснений Постановления Пленума 52.

В-третьих, при необходимости разграничения регрессной и материальной ответственности, полагаем, нужно обращать внимание на то, какие и чьи права нарушает служащий. Если речь идет о материальной ответственности, то нарушаются, как правило, абсолютные вещные права нанимателя, с которым у служащего заключен контракт о прохождении службы, на распределенное государственное или муниципальное имущество, которое находится в оперативном управлении. При регрессной ответственности служащий предварительно своими действиями должен причинить вред казне, т.е. нарушить абсолютное право публично-правового образования на средства соответствующего бюджета — имущество, не закрепленное за органом исполнительной власти или созданным им учреждением и являющееся нераспределенной публичной собственностью. Именно произведенные на основании решения суда выплаты из соответствующего бюджета по причине установленного судом факта причинения служащим вреда третьим лицам и должны рассматриваться в качестве юридического факта, который приводит в действие правовой механизм возложения мер ответственности.

Изложенное означает, что регрессная ответственность служащих по природе является гражданско-правовой ответ-

ственностью и применение судами норм трудового права является вряд ли оправданным. Опасение судов возложить на служащего регрессную ответственность за произведенные из казны выплаты в полном объеме также видится напрасным. ГК дает возможность суду уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения, за исключением случаев, когда вред причинен действиями, совершенными умышленно (п. 3 ст. 1083 ГК). И в ряде случаев суды это применяют⁸. С помощью гражданско-правового механизма воздействия также может быть достигнут баланс интересов служащего, по чьей вине казна понесла убытки, и публично-правового образования.

Как отмечалось ранее, также есть сложности в квалификации основания и условий регрессной ответственности. С одной стороны, исследование вопроса регрессной ответственности служащих показывает, что при рассмотрении регрессных исков доказывание противоправных действий должностных лиц основано на материалах служебных проверок, которые для некоторых судов являются достаточными. В то же время можно наблюдать тенденцию того, что позиция судебных органов меняется: в ряде случаев в удовлетворении исков отказывают, так как, по мнению судов, материалы служебной проверки — это внутриведомственный акт, который не может заменить судебное решение при установлении противоправности в действиях (бездействии) служащего и его вины. Иногда суд указывает, что заключение служебной проверки не является правоприменительным актом, констатирующим основания и вид юридической ответственности должностных лиц⁹.

Следствием такого сложившегося у судебных органов подхода является то, что возмещенный на основании ст. 1069, 1070 ГК за счет казны Российской Федерации вред по вступившему в законную силу судебному решению при предъявлении регрессного иска в инте-

⁸ См., например: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2017 г. № 83-КГ17-12.

⁹ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июля 2020 г. № 88-7541/2020.

ресах Российской Федерации к виновному должностному лицу в ряде случаев остается на самом деле невозмещенным.

С другой стороны, анализ судебных решений, связанных с регрессными исками, позволяет утверждать, что иногда вред возмещается в полном объеме. Это накладывает на служащего дополнительные имущественные обязанности и не способствует достижению хороших результатов на службе. В таком случае публичный интерес существенно ограничивает частный. Баланса публичного и частного интересов, на достижение которого постоянно ориентирует Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях по иным категориям дел по вопросу регресса на уровне правоприменения, пока не найдено.

Разрабатывая позицию в споре о регрессной ответственности, обращают внимание на ряд ключевых моментов: во-первых, инициирование применения мер регрессной ответственности возможно только после исполнения вступившего в законную силу решения суда, которым на основании ст. 1069, 1070 ГК с Российской Федерации в лице главного распорядителя бюджетных средств за счет средств казны произведено взыскание; во-вторых, меры регрессной ответственности возможно применить только к служащему, по вине которого казне причинены убытки вследствие совершенного им противоправного действия (бездействия); в-третьих, применение мер регрессной ответственности в отношении служащего возможно только в том случае, если есть основание и условия такой ответственности.

Важно обратить внимание на позицию судов по вопросу доказывания **противоправного поведения** служащего и причинно-следственной связи. В частности, установленный вступившим в законную силу судебным решением факт прекращения производства по делу об административном правонарушении или уголовному делу и возмещение вреда за счет средств казны Российской Федерации не освобождает от необходимости доказывания по предъявленному регрессному иску условий регрессной ответственности¹⁰. Правда, в

судебных решениях нельзя найти ответа на вопрос о том, каким образом, если материалы служебной проверки суд не принимает во внимание, нужно доказывать противоправное поведение служащего и причинно-следственную связь. Анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что процессуальные возможности доказывания здесь ограничены.

Например, нельзя противоправность доказать через вступившее в законную силу решение суда и применить нормы гл. 22 (КАС РФ), рассчитанные на защиту прав гражданина от противоправных действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, а не наоборот. Единственное, что суд принимает во внимание при решении вопроса о регрессной ответственности служащих, это вступивший в отношении служащего обвинительный приговор, которым установлены противоправность действий (бездействия) служащего и причинно-следственная связь, а также вина. Но в этом случае как быть с ситуациями, когда такого приговора нет, а убытки за неправомерные действия служащего казна несет? Дать однозначный ответ, с учетом имеющегося уровня разработки законодательства, полагаем, не представляется возможным.

Проблема доказывания противоправности возникает в том случае, когда приговор суда в отношении служащего отсутствует. Например, выплаты сделаны за счет казны Российской Федерации при вступившем в законную силу решении суда о возмещении вреда в виде расходов на услуги защитника по делу об административном правонарушении, расходов по компенсации морального вреда в связи с ненадлежащим содержанием в ИВС и т.д. В этом случае существует устоявшаяся позиция судов, что действия (бездействие) служащего должны быть незаконными, противоправными с позиции той отрасли права, нормами которой осуществлялось регулирование отношений, связанных с причинением вреда¹¹.

Анализ судебной практики позволяет выделить следующие подходы при

¹⁰ См.: Решение Оленинского районного суда Тверской области от 21 июня 2017 г. по делу № 2-61/2017.

¹¹ Например: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 15 апреля 2016 г. по делу № 33-6209/2016.

оценке противоправности поведения служащих: 1) противоправность считается установленной, если выявлены нарушения законодательства¹²; 2) противоправность должна быть установлена вступившим в законную силу отдельным судебным актом¹³; 3) противоправность презюмируется ввиду последующей отмены вынесенных ранее решений¹⁴.

Так, в рамках первого подхода обращается внимание на причины прекращения производства по делу об административном правонарушении — ошибки, допущенные должностными лицами при составлении протокола, неполное выяснение обстоятельств по делу, непроведение административного расследования и т.д. Речь идет о ненадлежащем исполнении обязанностей по сбору доказательств по делу об административном правонарушении.

В рамках второго подхода отмечается, что противоправность поведения возможно установить только в отдельном производстве, поскольку служащий действовал в рамках полномочий, предоставленных ему законом. Здесь важно доказать факт совершения действий (бездействия), которые находятся не в компетенции служащего по занимаемой должности. При этом материалы служебной проверки должны содержать данные о конкретных незаконных действиях (бездействии) служащего при осуществлении им публичной функции. Суд, рассматривая регрессный иск, часто тре-

бует также представления доказательств злоупотребления в действиях служащего и установления причинно-следственной связи. Именно эти факты должны быть причиной убытков казны Российской Федерации.

Полагаем, что в условиях фактического ограничения процессуальных возможностей доказывания противоправного поведения служащих отрицать при доказывании факты, которые установлены материалами служебной проверки, нельзя. Если из таких материалов следует, что вред причинен служащим в нарушение должностной инструкции и действующего законодательства третьему лицу при осуществлении им публичной функции как представителем власти, что повлекло нарушение абсолютных прав граждан и юридических лиц, то игнорировать данные обстоятельства при доказывании противоправного поведения служащего в целях возложения регрессной ответственности несправедливо. Такие обстоятельства должны получить оценку со стороны суда при решении вопроса о регрессной ответственности.

Вот лишь немногие вопросы, которые наряду с иными возникают при рассмотрении регрессных исков, предъявленных к служащим. Совершенно очевидно, что показанные некоторые проблемы правоприменения обусловлены недостаточно разработанной теорией механизма регрессной ответственности служащих. Потребности исследования такого механизма востребованы в связи не только с пробелами юридической науки, но и необходимостью эффективной защиты публичных интересов, возврата в казну денежных средств, выплаченных за неправомерные виновные действия (бездействие) служащих по вступившим в законную силу судебным актам.

¹² См., например: Апелляционное определение Кировского районного суда г. Волгограда от 31 августа 2015 г. по делу № 11-41/2015.

¹³ См., например: Апелляционное определение Тверского областного суда от 18 июля 2017 г. по делу № 33-3188/2017.

¹⁴ См., например: Решение Волжского районного суда г. Саратова от 12 мая 2017 г. по гражданскому делу № 2-2826/2017.

Литература

1. Корнеева О.В. Противоправность (незаконность) действий (бездействия) сотрудника органов внутренних дел как условие возмещения вреда в порядке регресса: проблема доказывания в контексте обеспечения гарантий профессиональной деятельности / О.В. Корнеева // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 96–104.
2. Медведева Т.М. Возмещение вреда, причиненного правоохранительными органами : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Т.М. Медведева. Саратов, 1984.
3. Феофилактов А.С. Регрессные требования к работнику: проблемы соотношения гражданского и трудового законодательства / А.С. Феофилактов // Трудовое право. 2010. № 2. С. 63–73.

К вопросу о пределах прав суда апелляционной инстанции при принятии решений, ухудшающих положение осужденного

Бабенко Ирина Андреевна,

доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
stonenok999@mail.ru

Плетнев Вячеслав Витальевич,

доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
pletnev.v.upp@mail.ru

Пшава Вероника Викторовна,

доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
vero-nika1978@mail.ru

В статье рассмотрена проблема столкновения независимости суда и свободы обжалования приговора при наличии обстоятельств, указывающих на необходимость ухудшения положения осужденного, оправданного при принятии решения судом апелляционной инстанции. Осуществляется попытка рассмотреть поворот к худшему в суде апелляционной инстанции как самостоятельный институт и раскрыть его содержание. Анализируются различные правовые позиции и разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации. В работе проведен анализ (и дана оценка) статистических данных о работе судов общей юрисдикции за 2017–2020 годы. Авторы приходят к выводу, что проблема остается недостаточно изученной и требует совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: апелляционный пересмотр, судебное решение, поворот к худшему, право на обжалование, «эффект охлаждения», приговор, апелляционный суд.

On Limits of Rights of a Court of Appeal in Making Decisions Deteriorating the Convict's Position

Babenko Irina A.

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the North-Caucasian Branch of the Russian State University of Justice
PhD (Law)

Pletnev Vyacheslav V.

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the North-Caucasian Branch of the Russian State University of Justice
PhD (Law)

Pshava Veronika V.

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the North-Caucasian Branch of the Russian State University of Justice
PhD (Law)

The article deals with the problem of the conflict between the independence of the court and the freedom to appeal against the verdict in the presence of circumstances indicating the need to worsen the situation of the convicted person, who was acquitted when making a decision by the court of appeal. An attempt is being made to consider the turn for the worse in the court of appeal as an independent institution and to disclose its content. Various legal positions and explanations of the Constitutional Court of the Russian Federation are analyzed. The paper analyzes and evaluates statistical data on the work of courts of general jurisdiction for 2017–2020. The authors conclude that the problem remains insufficiently studied and requires improvement of legal regulation.

Keywords: appeal review, judgment, turning for the worse, right to appeal, 'chilling effect', verdict, appellate court.

Для рассмотрения пределов прав суда апелляционной инстанции при принятии решений об ухудшении положения осужденного либо оправданного лица, гражданского ответчика следует раскрыть понятие «поворот к худшему» в уголовном процессе России в целом и в апелляционном производстве в частности. Разъяснения, которые даны Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», определяют «поворот к худшему» в апелляции как принятие решения, которое ухудшает положение лица, осужденного за совершение преступления приговором суда первой инстанции, по отношению к такому приговору. Верховный Суд РФ указывает, что в соответствии с нормой, содержащейся в ст. 389.24 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), в ходе рассмотрения дела в апелляционном суде такое ухудшение положения осужденного невозможно, если производство не инициировано стороной обвинения.

Кроме того, существует условие, не позволяющее суду выйти за пределы доводов поданной ими жалобы (представления), а также за рамки обвинения, которое было предъявлено в ходе предварительного расследования. Статья 252 УПК РФ накладывает запрет изменять обвинение на более тяжкое, содержащее существенные отличия в фактических обстоятельствах уголовного дела, а также порождающее применение более строгого наказания ввиду применения иной статьи Уголовного кодекса РФ в ходе судебного разбирательства, а также на те случаи, в которых обвинение может дополниться новыми фактами, влекущими за собой изменение квалификации преступления, что потребует применения нормы уголовного права с санкцией, предусматривающей по сравнению с ранее предъявленным обвинением более строгое наказание, в противном случае будет нарушено право обвиняемого на защиту.

Авторам близка позиция И.В. Килиной, которая указывает на тот факт, что «законодательная регламентация института поворота к худшему не учитывает

особенностей различных видов производств в уголовном судопроизводстве», несмотря на то, что эволюция уголовно-процессуального законодательства повлияла на расширение полномочий суда апелляционной инстанции по принятию решений, которые могут ухудшить положение осужденного лица. Кроме того, также справедливо замечание о том, что в УПК РФ «отсутствуют нормы, позволяющие правоприменителю найти ответ на вопрос, в каком случае имеет место поворот к худшему, а в каком не имеет»¹.

Обратимся к статистической информации, которая содержится в отчетах о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 2017–2020 гг., размещенных на сайте Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации. В период с 2017 по 2020 год значительно увеличилось число уголовных дел, рассмотренных в апелляционном порядке по жалобам и представлениям: с 82 089 уголовных дел до 108 421.

Согласно сведениям, за 2018 г. за год резко увеличилось число уголовных дел, которые направлены на новое рассмотрение в суд первой инстанции и по которым был отменен обвинительный приговор ввиду мягкости назначенного наказания: в 2017 г. такие уголовные дела вообще отсутствовали, а уже на конец 2018 г. число отмененных по этому основанию приговоров равно 39, и тенденция сохранилась на конец 2019 г. — 36, незначительным снижением указанного показателя отметился 2020 г. — 28. Количество дел, возвращенных прокурору, возросло с 18 в 2017 г. до 723 в 2018 г. и лишь незначительно снизилось в 2019 г. до 697 и 2020 г. — до 656.

Кроме того, ошутимо увеличилось количество обвинительных приговоров, которые были изменены апелляционным судом с усилением наказания: лишь 9 приговоров изменено судом с изменением квалификации в 2017 г., а в 2018 г. уже 242, в 2019 г. — 172, в 2020 г. — 156; усилено наказание без изменения квалификации деяния 68 лицам, осужденным в 2017 г., а в 2018 г. это количество

¹ Килина И.В. Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Ульяновск, 2019. С. 2, 5.

увеличивается в десятки раз до 2614, в 2019 г. и 2020 г. число таких приговоров лишь незначительно снизилось до 2379 и 1965 соответственно.

Статистические данные по оправдательным приговорам также свидетельствуют о возросшем количестве решений, отмененных апелляционным судом, в результате пересмотра которых уголовные дела были направлены на новое судебное разбирательство (с 8 приговоров в 2017 г. до 501 в 2018 г., 528 в 2019 г., 615 в 2020 г.), а также уголовных дел, возвращенных прокурору (2017 г. — 1, 2018 г. — 44, 2019 г. — 28, 2020 г. — 20)².

Правозащитники видят в данных обстоятельствах однозначное указание на обвинительный уклон российского уголовного судопроизводства. Факт отмены и без того небольшого количества постановленных оправдательных приговоров привлекает особое внимание к судебной системе. Уполномоченный по правам человека в России Т.Н. Москалькова в своем ежегодном докладе в 2019 г. отметила низкий процент оправдательных приговоров и традиционно высокий показатель жалоб (35%) на несправедливость приговоров. По мнению омбудсмена, «характер этих обращений демонстрирует несогласие граждан с квалификацией вмененных им уголовно наказуемых деяний и назначенным наказанием в связи с излишней суровостью»³. В указанных обстоятельствах ужесточение наказания судом апелляционной инстанции, равно как и отмена приговора, расценивается многими правоведами как подмена судом функции обвинения.

От реформы уголовно-процессуального законодательства, завершившейся в 2013 г., правоприменители, представляющие сторону государственного обвинения, ждали возросшего количества решений в суде апелляционной инстанции, устраняющих судебные ошибки, допущенные ранее и влекущие необходимость ухудшения положения осужденного, в рамках полномочий,

предоставленных апелляционному суду уголовно-процессуальным законодательством. Однако, как было отмечено Д.В. Смирновым, еще в 2015 г. ситуация оставалась неизменной, и даже при наличии оснований, указанных в законе, положение осужденных не ухудшалось в итоге апелляционного пересмотра⁴. Такая ситуация продлилась вплоть до 2018 г., после чего возросло количество отмененных приговоров, в том числе оправдательных с последующим ухудшением положения осужденных по сравнению с приговором первой инстанции. Такая ситуация рассматривалась как закономерное явление, поскольку, как отмечает, например, А.Г. Тузов, в российской правовой культуре укрепилось понимание целей института пересмотра судебных решений «как проявление механизма обеспечения законности и восстановления справедливости»⁵.

В связи с этим примечателен тот факт, что в российской научной среде весьма неоднозначно относятся к такому правовому явлению, как «поворот к худшему», при пересмотре итоговых судебных решений.

В соответствии с назначением уголовного судопроизводства проверочные производства призваны не только не допускать незаконное обвинение, осуждение, но и восстановить нарушенные права лиц, потерпевших от преступлений. Также в соответствии со ст. 297 УПК РФ приговор является законным, обоснованным и справедливым, если судом правильно применены нормы материального и процессуального права. Законодатель в ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ закрепляет, что несправедливым является не только приговор, по которому назначено чрезмерно суровое наказание, но и наказание, которое является чрезмерно мягким в сравнении с тяжестью совершенного деяния.

Кроме того, так называемый «поворот к худшему» при производстве

² Судебная статистика. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.05.2021).

³ Доклад уполномоченного по правам человека в России за 2019 год. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf

⁴ Смирнов Д.В. Ухудшение положения осужденного в суде апелляционной инстанции // Законность. 2015. № 2. С. 37.

⁵ Тузов А.Г. Свобода обжалования приговора и процессуальное положение участников уголовного процесса в Российской Федерации и Чешской Республике // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2. С. 94.

в суде апелляционной инстанции возможен при соблюдении совокупности требований, ограничивающих пределы прав суда апелляционной инстанции. Ухудшение положения осужденного лица недопустимо в том случае, когда приговор обжалован стороной защиты. Для такого решения необходимы представление или жалоба со стороны обвинения. Данное ограничение делает апелляционный пересмотр не только механизмом обеспечения законности при производстве по уголовным делам, но и средством защиты прав, принадлежащих осужденному (оправданному), в качестве участника уголовного судопроизводства.

Вместе с тем следует отметить, что «поворот к худшему» для осужденного лица влечет в том числе основание, предусмотренное ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ. Кроме того, как указывает В.П. Попов, в соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда», в судебной практике возможны также случаи, когда апелляционный суд, изучив материалы дела, «приходит к обоснованному выводу о несоответствии обстоятельств, изложенных в обвинительном заключении, фактическим обстоятельствам дела, свидетельствующим о наличии признаков более тяжкого преступления»⁶.

Как отмечено выше, уголовное судопроизводство имеет целью восстановление нарушенных прав потерпевших от преступлений лиц посредством вынесения судом справедливого решения, основанного на нормах материального и процессуального права. Конституционный Суд Российской Федерации в упомянутом постановлении подчеркивает данный тезис, обращая внимание на то, что невозможно принятие справедливого решения в том случае, когда фактические обстоятельства дела не находят отра-

жения в обвинительном заключении, которое определяет пределы судебного разбирательства. Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что невозможность изменения обвинения в сторону ухудшения в ходе судебного разбирательства «ставит решение суда в зависимость от решения, обоснованность которого и составляет предмет судебной проверки и которое принимается органами уголовного преследования, в том числе входящими в систему исполнительной власти, то есть является неправомерным вмешательством в осуществление судебной власти». В указанных случаях п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ суду первой инстанции предоставлено право возвратить уголовное дело прокурору по ходатайству одной из сторон, а также по собственной инициативе в тех случаях, когда судом выявлены обстоятельства, без сомнения указывающие на наличие оснований квалифицировать действия обвиняемого в соответствии с нормами уголовного права, предусматривающими более строгий вид наказания.

По мнению Г.А. Есакова, «логичным развитием такого подхода стало бы разрешение суду апелляционной инстанции задействовать п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ по собственной инициативе»⁷. Ограничением для применения указанной нормы уголовного-процессуального права является существование запрета на «поворот к худшему» в рамках апелляционного пересмотра в отсутствие жалобы (представления) стороны обвинения.

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации также содержит указание на то, что запрет «поворот к худшему» в ходе апелляционного пересмотра при отсутствии инициативы стороны обвинения должен соблюдаться также в тех случаях, когда суд отменяет приговор и принимает решение о возвращении дела прокурору при наличии правовых оснований, позволяющих квалифицировать преступление как более тяжкое, хотя в уголовно-процессуальном законе прямое указание

⁶ Попов В.П. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции // Science time. 2014. № 7. С. 332.

⁷ Цит. по: Коробка Е. Апелляция не вправе ухудшать положение подсудимого без инициативы стороны обвинения // Адвокатская газета. 2019. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-apellyatsiya-ne-vprave-ukhudshat-polozhenie-podsudimogo-bez-initsiativy-storony-obvneniya>

на это отсутствует. Как разъяснил суд, пределы прав, предоставленных суду апелляционной инстанции для принятия решений, которые могут повлечь для осужденного ухудшение положения по сравнению с решением, принятым судом первой инстанции, предопределены тем, что поводом к возбуждению апелляционного пересмотра является исключительно жалоба и (либо) представление сторон. Запрет поворота к худшему находится в системной связи с порядком возбуждения производства по жалобе (представлению), направленной в суд апелляционной инстанции. Таким образом, апелляционный суд не вправе по собственной инициативе ухудшать положение подсудимого по жалобе, поданной в его интересах, поскольку это повлечет за собой 'chilling effect' — «сковывающий эффект», создающий препятствие стороне защиты для принятия решения об обжаловании приговора в апелляционном порядке, то есть для реализации конституционного права на повторное рассмотрение дела в вышестоящем суде⁸.

Примечательно, что ухудшение положения осужденного рассматривается в российской уголовно-процессуальной науке преимущественно с точки зрения «недопустимости поворота к худшему» при пересмотре судебного решения, если он инициирован стороной защиты. Однако, как показывает судебная практика и это подтверждается статистическими данными, правоприменители все чаще сталкиваются с уголовными делами, в результате пересмотра которых суд апелляционной инстанции видит необходимость принятия решения, которое может ухудшить положение лица, осужденного за совершение преступления судом первой инстанции.

В указанных случаях, поскольку пределы прав суда апелляционной инстанции поставлены в зависимость от инициативы стороны обвинения и доводов, изложенных в апелляцион-

ной жалобе (представлении), именно мотивированное апелляционное представление выступает средством восстановления нарушенных прав лиц, потерпевших от преступления, когда имеет место судебная ошибка либо ошибка органов предварительного расследования на досудебной стадии. Следует согласиться с позицией Р.М. Туркиева и К.С. Сефикурбанова, что «качественно подготовленное, полное и мотивированное апелляционное представление может служить гарантией своевременного исправления допущенной ошибки»⁹. В вопросах рассмотрения судом возможности поворота к худшему для исправления ошибок на предшествующих уголовно-процессуальных стадиях это приобретает особую актуальность.

Вопрос столкновения независимости апелляционного суда и ограничений, наложенных на принятие судом решения об ухудшении положения осужденного в апелляции, отсутствие соответствующей инициативы со стороны обвинения — все то, с чем все чаще приходится сталкиваться правоприменителю, учитывая количество дел, возвращенных прокурору и отмененных оправдательных приговоров с направлением дела для повторного рассмотрения в суде первой инстанции.

Б.А. Ринчинов выразил мнение, что не только осужденный, но и потерпевший могут «неправильно оценить все затрагивающие их интересы решения и не обжаловать часть из них»¹⁰. Отсутствие у апелляционного суда права выйти за пределы доводов, которые указаны в представлении или жалобе, поданной стороной обвинения, когда возникает обоснованная необходимость в ухудшении положения лица, осужденного за совершение преступления, по отношению к приговору, постановленному судом первой инстанции, не способствует восстановлению справедливости и вынесению правосудного решения.

⁸ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 г. № 3271-О «По запросу Воронежского областного суда о проверке конституционности части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 04.05.2021).

⁹ Туркиев Р.М., Сефикурбанов К.С. Прокурор в апелляционной инстанции // Закон и право. 2020. № 4. С. 122–124.

¹⁰ Ринчинов Б.А. Пределы прав суда апелляционной инстанции и поворот к худшему при пересмотре судебных решений, не вступивших в законную силу // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 103.

По мнению В.А. Давыдова, такая ситуация «дезаурирует саму идею апелляции как инстанции, которая принимает окончательное решение по делу»¹¹. С другой стороны, запрет на вынесение решения, которое может ухудшить положение осужденного по жалобе, принесенной в его интересах, при отсутствии инициативы обжалования у стороны обвинения, по нашему мнению, обоснован и справедлив, поскольку обеспечивает осужденному свободу обжалования приговора.

Безусловно, суды второй инстанции не должны игнорировать нарушения закона, поскольку это негативно отражается на уровне доверия судебной власти. Однако важно не выходить за пределы, установленные Уголовно-процессуальным кодексом РФ, для того чтобы избежать «обвинительного уклона правосудия». Установленные процессуальным законодательством ограничения вполне способствуют снижению рисков злоупотребления правом участниками процесса.

Поскольку в последние годы резко возросло количество решений апелляционных судов, которыми ухудшилось положение лиц, осужденных и оправданных приговорами суда первой

инстанции, очень важно рассматривать «поворот к худшему» как самостоятельный институт в российском уголовном процессе, а не только в контексте принципа недопустимости поворота к худшему. Необходимо продолжить работу над исследованием проблем правового регулирования производства в суде апелляционной инстанции, связанных с применением данного института, и разрабатывать пути их разрешения.

На наш взгляд, необходимо закрепить содержание и основания «поворота к худшему» в уголовно-процессуальном законодательстве. Из содержания норм УПК РФ не всегда понятно, в каком случае имеет место ухудшение положения осужденного. Авторам близки научные позиции, в которых высказано мнение о том, что рассмотрение данного института не только с точки зрения правового запрета на его применение в отсутствие инициативы стороны обвинения, но и комплексно повысит доверие к судебной системе. Понимание «поворота к худшему», в том числе как механизма восстановления нарушенных прав лиц, потерпевших от преступлений и способа устранения судебной ошибки, способствующего принятию правосудного решения в пределах прав, предоставленных суду апелляционной инстанции, положительно скажется на судебной практике.

¹¹ Принятие Федерального закона № 433-ФЗ — весьма значимый этап судебной реформы // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 13.

Литература

1. Килина И.В. Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.В. Килина. Ульяновск, 2019. 31 с.
2. Коробка Е. КС: Апелляция не вправе ухудшать положение подсудимого без инициативы стороны обвинения / Е. Коробка // Адвокатская газета. 2019. 26 декабря.
3. Москалькова Т.Н. Доклад уполномоченного по правам человека в России за 2019 год / Т.Н. Москалькова. Москва, 2020. 323 с.
4. Попов В.П. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции / В.П. Попов // Science time. 2014. № 7. С. 329–335.
5. Ринчинов Б.А. Пределы прав суда апелляционной инстанции и поворот к худшему при пересмотре судебных решений, не вступивших в законную силу / Б.А. Ринчинов // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 102–108.
6. Смирнов Д.В. Ухудшение положения осужденного в суде апелляционной инстанции / Д.В. Смирнов // Законность. 2015. № 2. С. 37–38.
7. Тузов А.Г. Свобода обжалования приговора и процессуальное положение участников уголовного процесса в Российской Федерации и Чешской Республике / А.Г. Тузов // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2. С. 91–97.
8. Туркиев Р.М. Прокурор в апелляционной инстанции / Р.М. Туркиев, К.С. Сефикурбанов // Закон и право. 2020. № 4. С. 122–124.

Заглаживание причиненного вреда при отсутствии потерпевшего во исполнение условий освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа

Макаров Андрей Владимирович,
декан юридического факультета
Забайкальского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
jus-chita@yandex.ru

Вдовенко Марина Александровна,
аспирант юридического факультета
Забайкальского государственного университета
avtor@lawinfo.ru

Возмещение ущерба или заглаживание вреда, причиненного преступлением, исходя из диспозиции ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), является обязательным условием освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, способы которых законом не ограничены. Отсутствие в законодательстве установленной формы заглаживания вреда приводит к противоречиям в судебной практике и неограниченности пределов судебного усмотрения при решении вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, по которому отсутствует потерпевшая сторона. В результате чего способы заглаживания вреда, причиненного преступлением, которые суды принимают в качестве выполнения условий, позволяющих применить положения ст. 76.2 УК РФ, не компенсируют негативные последствия от совершенного преступления.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, возмещение ущерба, заглаживание вреда, пределы судебного усмотрения.

Reparation of the Caused Damage in the Absence of a Victim in Compliance with Conditions for Release from Criminal Liability in View of the Court Fine Imposition

Makarov Andrey V.
Dean of the Law Faculty of the Transbaikal State University
LL.D., Professor

Vdovenko Marina A.
Postgraduate Student of the Law Faculty of the Transbaikal State University

Compensation for damage or making amends for harm caused by a crime, based on the disposition of Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, is a prerequisite for exemption from criminal liability with the appointment of a court fine, the methods of which are not limited by law. The absence in the legislation of an established form of redressing harm leads to contradictions in judicial practice and the unlimited limits of judicial discretion when resolving the issue of the possibility of releasing a person who has committed a crime in which there is no injured party from criminal liability. As a result, the methods of amending the harm caused by the crime, which the courts accept as fulfillment of the conditions allowing the application of the provisions of Art. 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, do not compensate for the negative consequences of the crime.

Keywords: release from a criminal responsibility, a judicial penalty, compensation of damage, harm smoothing down, limits of judicial discretion.

В современных условиях реализации уголовной политики, связанной с гуманизацией уголовного законодательства, неизменно растет применение на практике института освобождения от уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших уголовные преступления. Глава 11 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) предусматривает пять реабилитирующих оснований для освобождения от уголовной ответственности, из которых наиболее востребованными на практике сегодня остаются примирение с потерпевшим и введенный в уголовный закон в 2016 г. судебный штраф. Данные судебной статистики демонстрируют стабильный рост прекращения уголовных дел с назначением судебного штрафа. По состоянию на начало 2021 г. доля судебного штрафа среди оснований прекращения уголовных дел, предусмотренных гл. 11 УК РФ, возросла до 18% в сравнении с первоначальными 6% на момент введения ст. 76.2 в Уголовный кодекс РФ¹.

Уголовно-правовые основания освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа перечислены в ст. 76.2 УК РФ и включают в себя следующие условия²:

- совершение преступления впервые;
- совершенное преступление должно относиться к категории небольшой или средней тяжести;
- виновное лицо должно возместить ущерб или иным образом загладить причиненный преступлением вред.

Анализ диспозиции ст. 76.2 УК РФ показал, что возмещение ущерба или заглаживание вреда, причиненного преступлением, является обязательным условием освобождения от уголовной

ответственности с назначением судебного штрафа. Это объясняется тем, что введение в уголовный закон судебного штрафа помимо достижения цели либерализации уголовного закона ориентировано на восстановление социальной справедливости путем возмещения нарушенных прав пострадавших от совершенного преступления лиц, обеспечения гарантий их восполнения, а также интересов общества и государства.

Законом не ограничены способы возмещения ущерба и заглаживания вреда, причиненного преступлением. Пленум Верховного суда в своем постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»³ указал лишь на необходимость использования таких способов возмещения ущерба, которые носят законный характер и не ущемляют права третьих лиц. В остальном форма возмещения ущерба ничем не ограничена, виновное лицо может загладить причиненный им вред любым соответствующим закону способом, если такой способ позволит компенсировать негативные последствия, наступившие в результате совершенного им общественно опасного деяния.

Названное постановление Пленума Верховного суда содержит указание на наличие двух способов возмещения ущерба:

- в натуре (например, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества);
- в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение).

Под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461>

² Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

Буквальное толкование закона приводит к выводу, что, указывая на возмещение ущерба или заглаживание вреда как необходимое условие применения ст. 76.2 УК РФ, законодатель таким образом предполагает освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа возможным только в случае совершения лицом преступления с материальным составом (с обязательным присутствием потерпевшей стороны и общественно опасных последствий в виде причинения ему вреда). В то же время не все теоретики права с таким толкованием согласны. В науке уголовного права можно встретить несколько отличающихся друг от друга позиций относительно возможности применения судебного штрафа по делам о преступлениях с формальным составом.

Так, по мнению А.П. Фильченко, «применение положений ст. 76.2 УК РФ не зависит от конструкции состава преступления, поэтому распространяется как на материальные, так и на формальные составы преступлений. Однако отсутствие ущерба в какой-либо натуральной форме не исключает обязанности лица проявить активность в направлении выполнения законодательно установленного условия освобождения от уголовной ответственности и представить суду подтверждение заглаживания вреда»⁴.

С точки зрения В.И. Решетняка, напротив, «уголовные дела, в которых отсутствует потерпевший, по которым

не предусмотрены последствия в виде причинения вреда или возникновения ущерба, которыми создается угроза исключительно публичным отношениям или наносится вред двум объектам, не подлежат прекращению в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в порядке ст. 25.1 УПК РФ, поскольку введение судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера было направлено не только на либерализацию уголовного закона, но и на стимулирование позитивного постпреступного поведения виновного лица, скорейшее восстановление нарушенных прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступных действий»⁵.

Н.Ю. Скрипченко приводит позицию о том, что «освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа допустимо только по тем формальным составам, по которым виновное лицо может принять меры по заглаживанию причиненного вреда, например принести извинения, компенсировать моральный вред при нарушении неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) или жилища (ст. 139 УК РФ). По тем же составам, где виновный объективно не может восстановить нарушенные в результате преступления права потерпевшего, законные интересы личности, общества и государства, решение о назначении судебного штрафа не может быть принято, так как отсутствует строго формальное условие — возмещение ущерба или заглаживание причиненного вреда иным образом»⁶.

Вместе с тем приведенная А.П. Фильченко точка зрения представляется наиболее убедительной. Возможность освобождения лица от уголовной ответственности по правилам ст. 76.2 УК РФ не зависит от конструкции состава пре-

⁴ Фильченко А.П. Возмещение ущерба и заглаживание вреда как условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Адвокатская практика. 2019. № 4. С. 24.

⁵ Решетняк В.И. Судебный штраф в уголовном судопроизводстве // Судья. 2017. № 4. С. 7.

⁶ Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 10.

ступления, а потому судебный штраф может быть назначен виновному лицу и в том случае, когда в диспозиции статьи отсутствует указание на причинение ущерба или иного вреда в качестве обязательного признака объективной стороны преступления (например, незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171.4 УК РФ), незаконное изготовление оружия (ст. 223 УК РФ), незаконная охота (ст. 258 УК РФ), то есть при совершении преступления с формальным составом).

Сохранение у виновного лица возможности освобождения от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ст. 76.2 УК РФ, и в том случае, если причинение ущерба или иного вреда не являются обязательными признаками объективной стороны преступления, обусловлено тем, что следствием любого преступления, вне зависимости от состава (материальный или формальный), всегда являются неблагоприятные последствия. В то же время при применении судебного штрафа подлежат выяснению вопросы: каким общественным отношениям совершенным преступлением причинен вред, о характере такого вреда и достаточно ли действий подсудимого, направленных на заглаживание вреда, для устранения наступивших последствий.

Показателем достаточности действий подсудимого по заглаживанию причиненного преступлением вреда выступает его положительное постпреступное поведение, которое выражается в совершении конкретных действий, направленных на ликвидацию либо уменьшение наступивших в результате его действий последствий. Анализ судебной практики показывает, что в случае совершения преступлений, отнесенных по своим характеристикам к преступлениям с формальным составом, это могут быть:

— действия, которые напрямую связаны с объектом посягательства;

— действия, прямо не связанные с объективной стороной преступления, но существенно снижающие общественную опасность преступного деяния.

Судебная практика приводит многообразие вариантов заглаживания вреда, причиненного в результате совершения преступления, которые, по мнению судов, достаточны для принятия решения об освобождении лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 76.2 УК РФ.

К примеру, С., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. В обоснование своего решения суд указал, что подсудимый в качестве заглаживания причиненного преступлением вреда удалил все размещенные им в социальных сетях материалы, направленные на одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала для суда, и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», а также содержащие ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны; разместил в этой же социальной сети извинения за ранее размещенные им материалы и опровержение этих материалов, а также добровольно пожертвовал 8 и 11 мая 2020 г. денежные средства в размере 1300 руб. в благотворительный фонд «Память поколений».

В качестве другого примера можно привести постановление Центрального районного суда г. Читы, которым прекращено уголовное дело с назначением судебного штрафа Б., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Принимая решение о прекращении, суд указал, что Б. загладил причиненный преступлением вред, поскольку после совершения преступления провел профилактическую работу о недопустимости правонарушений и пропаганде здорового образа жизни среди молодежи, получив за это

благодарность заместителя директора ГБУ «Спортивная школа олимпийского резерва по боксу», оказал благотворительную помощь детям-сиротам, за что имеет благодарственное письмо ГУСО «Сретенский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних им С.Г. Киргизова», а также опубликовал статью в журнале «Забайкальский рабочий», в которой выразил свое осуждение по поводу управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения.

Постановлением Дульдургинского районного суда Забайкальского края прекращено уголовное дело с назначением судебного штрафа в отношении Б., обвиняемого по ст. 264.1 УК РФ. Судом учтено, что Б. занимается общественной деятельностью, оказывает безвозмездную помощь МБДОУ «Дульдургинский детский сад “Теремок”», принимает активное участие в благоустройстве села, а также помогает в строительстве детских площадок. Указанные обстоятельства суд посчитал возможным признать иными действиями, направленными на заглаживание причиненного вреда.

В то же время при аналогичных обстоятельствах суды выносили и противоположные решения об отказе в удовлетворении ходатайств об освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ. Так, Ленинский районный суд г. Новосибирска сделал выводы о недостаточности оснований для освобождения от уголовной ответственности С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, и в своем приговоре, которым назначил ему наказание в виде обязательных работ на срок 200 часов с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 2 года, указал, что принятые подсудимым меры по заглаживанию причиненного преступлением вреда в виде строительства детской площадки и оказания помощи детскому саду

в приобретении оргтехники не свидетельствуют о способствовании восстановлению нарушенных в результате его действий законных интересов общества и государства в сфере безопасности дорожного движения.

Представляется, что такие противоречия не должны встречаться в судебной практике, и от законодателя требуется установить четкие критерии по оценке действий виновного лица после совершения преступления и выполнения им условий, при которых сомнения в возможности применения к нему такой поощрительной меры, как освобождение от уголовной ответственности, возникать не будут.

Конституционный суд в своем определении от 26 октября 2017 г. № 2257-О обратил внимание судов на то, что, поскольку различные уголовно наказуемые деяния влекут наступление разного по своему характеру вреда, суд в каждом конкретном случае решает, достаточны ли предпринятые виновным действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить его от уголовной ответственности⁷.

В этой связи следовало бы согласиться с выводами суда о том, что для выполнения условий ст. 76.2 УК РФ действия лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, хотя и не должны быть напрямую связаны с объектом посягательства, но по крайней мере в той или иной мере направлены на восстановление тех законных интересов и общественных отношений, на которые посягнул виновный своими незаконными действиями.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: Определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 2257-О.

Президиумом Верховного Суда РФ по данному вопросу высказано мнение и в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, где обращено внимание правоприменителей на то, что различные уголовно наказуемые деяния влекут наступление разного по своему характеру вреда, поэтому предусмотренные ст. 76.2 УК РФ действия, направленные на заглаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния⁸.

На основании этого можно сделать вывод, что отсутствие прямого перечисления в законе способов и действий по возмещению ущерба и заглаживанию вреда, причиненного преступлением, не является упущением законодателя, а представляет собой намеренное наделение судом права самостоятельно установить критерии, по которым такие действия будут достаточны для принятия решения о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. Однако приведенный выше анализ судебной практики показывает, что суды, оценивая действия виновного лица в качестве достаточных для применения к нему такой меры уголовно-правового характера, как судебный штраф,

хотя и действуют в рамках закона, при этом не всегда соблюдают логику и смысл восстановления нарушенного права. Определяющим критерием допустимости и достаточности действий по заглаживанию причиненного преступлением вреда должно являться соответствие этих действий не только степени, но и характеру общественной опасности совершенного деяния, их непосредственная направленность на объект посягательства.

Учитывая изложенное, целесообразно разрешить проблему путем внесения изменений в действующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» и дополнения п. 2.1 названного постановления следующим абзацем: «Разъяснить судам, что под заглаживанием вреда следует понимать принятие со стороны виновного лица таких мер, которые полностью или в части направлены непосредственно на восстановление тех законных интересов и общественных отношений, которым незаконными действиями причинен ущерб или иной вред. Не допускаются в качестве заглаживания вреда действия виновного, не относящиеся к объекту посягательства».

Такое требование будет способствовать достижению целей дифференциации уголовной ответственности, снижению общественно опасных последствий, восстановлению нарушенных в результате преступления прав и защиты личности, общества и государства от преступных посягательств.

⁸ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/all/28088/>

Литература

1. Решетняк В.И. Судебный штраф в уголовном судопроизводстве / В.И. Решетняк // Судья. 2017. № 4 (36). С. 34–38.
2. Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл / Н.Ю. Скрипченко // Журнал российского права. 2017. № 7 (247). С. 106–114.
3. Фильченко А.П. Возмещение ущерба и заглаживание вреда как условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / А.П. Фильченко // Адвокатская практика. 2019. № 4. С. 21–27.

DOI: 10.18572/1812-3791-2021-8-37-42

Особенности предмета доказывания по делам о преступлениях, связанных с посягательствами на половую свободу личности

Чебуренков Александр Анатольевич,

доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии
Национального исследовательского Мордовского государственного университета
имени Н.П. Огарева,
кандидат юридических наук, доцент
cheburenkova@yandex.ru

Предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях, связанных с посягательствами на половую свободу личности, отличается определенной спецификой, касающейся содержания, объема и особенностей установления конкретных обстоятельств. Учет данной специфики является необходимым условием эффективности доказательственной деятельности следователя и суда по делам о половых посягательствах.

Ключевые слова: доказывание, предмет доказывания, обстоятельства, подлежащие доказыванию, половая свобода личности, половые посягательства.

Peculiarities of the Subject of Proving in Cases on Crimes Involving Sexual Assault of an Individual

Cheburenkov Aleksandr A.

Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminalistics
and Criminology of the National Research Ogarev Mordovia State University
PhD (Law), Associate Professor

The subject of proof in criminal cases of crimes related to encroachments on sexual freedom of the individual is distinguished by a certain specificity associated with the contents, volume and characteristics of establishing specific circumstances. Taking into account this specificity is a necessary condition for the effectiveness of the evidentiary activity of the investigator and the court in cases of sexual encroachments.

Keywords: proof, subject of proof, circumstances to be proven, sexual freedom of the individual, sexual encroachments.

Совокупность устанавливаемых по уголовному делу обстоятельств образует то, что в теории уголовного процесса именуется предметом доказывания. Это важное процессуальное понятие, имеющее и практическое значение, поскольку оно определяет направление, задачи и содержание доказательственной (познавательной) деятельности следователя и суда в уголовном судопроизводстве. Выяснение всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, означает, что предварительное расследование и судебное рассмотрение дела проведены в полном объеме, что гарантирует обоснованность принимаемых следователем и су-

дом процессуальных решений. Предмет доказывания должен устанавливаться только теми сведениями, которые содержатся в источниках доказательственной информации, предусмотренных ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), при условии, что в работе с ними были соблюдены требования уголовно-процессуального закона.

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, закреплен в ст. 73 УПК РФ. Этот перечень дает лишь общее, родовое обозначение предмета доказывания, указывает на основные группы обстоятельств, которые должны быть исследованы

по любому уголовному делу. Законодательное закрепление единого предмета доказывания не исключает выделения его особенностей, которые необходимо учитывать при производстве по определенным видам уголовных дел¹.

Обстоятельства, составляющие предмет доказывания по уголовному делу, имеют одинаковое правовое значение для органов предварительного расследования и суда. Однако подходы к установлению соответствующих обстоятельств различаются в зависимости от стадии производства по делу: поисковая направленность деятельности следователя по установлению юридически значимых обстоятельств уступает место в судебном разбирательстве преимущественно исследовательскому, проверочному характеру судебных действий по рассмотрению данных обстоятельств. В то же время на суд возлагается задача на основе проведенного исследования фактической характеристики события сформулировать окончательный вывод об установленности (неустановленности) определенных обстоятельств и отразить данный вывод в итоговом судебном решении.

Особенности предмета доказывания по делам о преступлениях против половой свободы личности проявляются прежде всего в необходимости установления тех обстоятельств, которые предусмотрены уголовно-правовой характеристикой данных посягательств. С этой целью обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, должны быть конкретизированы с учетом конструктивных признаков составов преступлений, закрепленных в ст. 131–132 Уголовного кодекса РФ (УК РФ).

На первый план уголовно-процессуальный закон выдвигает задачу исследования события преступления. Полное и достоверное установление его признаков в исследуемом деянии служит основанием для решения во-

проса о том, было ли преступление действительно совершено и виновно ли в этом конкретное лицо. По делам о преступлениях против половой свободы личности установление события полового посягательства также является первоочередной задачей. Здесь главным вопросом, требующим решения, является установление факта совершения полового акта, а также того, в чем выразились насильственные действия преступника над потерпевшим. Выяснение данных вопросов на практике нередко вызывает определенные трудности, поскольку по рассматриваемой категории преступлений обычно отсутствуют очевидцы и информация об обстоятельствах посягательства поступает от потерпевшего, а он является лицом, заинтересованным в исходе дела.

Особенно сложно установить сам факт сексуального насилия в тех случаях, когда потерпевшим выступает лицо, знакомое обвиняемому. Насильники тогда почти всегда заявляют, что половой акт был совершен с согласия потерпевшего. В этом случае такие распространенные следы, как сперма на теле и одежде потерпевшего или кровь на одежде преступника, не имеют прямого доказательственного значения².

Для того чтобы определить, имело ли место событие преступления, связанного с сексуальным насилием, необходимо установить, что половой акт или иные действия сексуального характера были совершены помимо воли потерпевшего лица либо с игнорированием его воли. Соответственно, при расследовании и судебном рассмотрении конкретного уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 131 или 132 УК РФ, требуется выяснить, имелись ли насилие либо угроза его применения в отношении потерпевшего, в чем конкретно выражались насилие либо угроза его применения,

¹ Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учеб. пособие. М. : Городец, 2008. С. 48–49.

² Скорченко П.Т. Расследование изнасилований. М. : Былина, 2004. С. 59.

находился ли потерпевший в момент посягательства в беспомощном состоянии, каким образом он был приведен в такое состояние.

В материалах дела должны быть отражены нежелание потерпевшего совершать половой акт или иные действия сексуального характера с преступником (оказывал сопротивление, звал на помощь и т.п.), а также то, каким путем это нежелание было преодолено.

При исследовании события полового посягательства с фактической стороны в первую очередь требуется установить время, место и способ совершения посягательства. Выяснение указанных обстоятельств является необходимым для доказывания объективной стороны преступного деяния. Первоначально данные о времени, месте и способе совершенного сексуального насилия устанавливаются еще на стадии возбуждения уголовного дела по заявлению и в результате опроса потерпевшего, а впоследствии уточняются в ходе осмотра места происшествия и допроса свидетелей. В судебном разбирательстве полученные следователем данные подлежат тщательной проверке с позиции их соответствия реальной обстановке, согласованности между собой, подтверждения их со стороны потерпевшего и подсудимого и т.д.

Установление места совершения преступления и его осмотр играют важную роль в доказывании по делам о сексуальных посягательствах. На месте преступления могут быть обнаружены разнообразные следы совершенных преступных действий (пятна крови, спермы, волосы, следы пальцев рук на разных предметах обстановки и др.), на открытой местности могут сохраниться примятая трава, следы ног на грунте, брошенные или потерянные участниками произошедшего события предметы, личные вещи и т.д. Обнаружение, фиксация, изъятие и исследование данных следов обеспечивают следователя и суд надежными материальными источниками доказательственной информации.

Точное определение времени совершения преступления позволяет судить о том, кто в данный временной период физически мог его совершить, может способствовать выявлению свидетелей — очевидцев произошедшего. Знание времени совершения сексуального посягательства помогает субъектам доказывания проверить показания потерпевших, устроивших симуляцию посягательства, и подозреваемого, ссылающегося на алиби.

Установление способа совершения сексуального посягательства требует выяснения деталей подготовки и осуществления насильственного полового акта или иных действий сексуального характера. При этом изучению подлежат не только поведение преступника и средства, которые им были применены, но и поведение самой жертвы, как она реагировала на насилие или угрозу преступника, почему она реагировала именно так, а не иначе. Выяснение этих обстоятельств поможет установить конкретный способ, который применил преступник, а также оценить характер и степень его воздействия на жертву.

В некоторых ситуациях потерпевший своим поведением, по существу, провоцирует совершение сексуального посягательства, ведет себя безнравственно и т.п. Это может являться обстоятельством, смягчающим наказание виновного (п. «з» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса РФ; далее — УК РФ).

Если в деле имеется заявление о сексуальном насилии от лица, которое знакомо с подозреваемым, то важное значение имеет выяснение характера взаимоотношений между ними. В таких случаях не исключена возможность добровольного полового акта и ложного заявления о сексуальном насилии. По делу об изнасиловании следует учитывать, что в конкретной ситуации могло иметь место так называемое «добро-совестное заблуждение» потерпевшей относительно насильственного характера полового сношения. Такого рода ситуации связаны с тем, что женщина

(особенно перед совершением первого полового акта) из чувства стыдливости оказывает мужчине слабое сопротивление, не сразу уступает ему, а мужчина, пытаясь преодолеть это сопротивление, иногда применяет физическую силу. Для правильной оценки такого рода ситуации необходимо выяснять интенсивность, реальность сопротивления, не носило ли оно характер замаскированного согласия, понимал ли мужчина, что женщина отказывается вступить с ним в связь, какие способы применялись для преодоления оказываемого сопротивления и т.д.³

На практике отмечаются сложности в доказывании использования обвиняемым для совершения сексуального насилия беспомощного состояния потерпевшего. Решение вопроса о том, находился ли потерпевший в момент посягательства в беспомощном состоянии, должно производиться на основе анализа всех обстоятельств дела, включая соответствующее заключение эксперта о психическом и физическом состоянии потерпевшего лица. При этом констатировать наличие беспомощного состояния у потерпевшего вправе только суд, этот вопрос не находится в компетенции экспертов, проводивших судебно-психиатрические и психологические исследования⁴.

Когда потерпевший находится в беспомощном состоянии, вызванном психическим расстройством, сильным опьянением, малолетством, он в ситуации совершения в отношении него полового посягательства может не оказывать сопротивления, поэтому внешне событие будет вы-

глядеть как добровольный половой контакт.

Необходимо установить, что обвиняемому было известно о наличии беспомощного состояния потерпевшего и он использовал это состояние для совершения сексуального насилия.

По делам о преступлениях против половой свободы личности, совершенных в группе, должна быть выяснена роль каждого участника посягательства. Решение данной задачи связано с рядом трудностей. Во-первых, потерпевшие бывают настолько напуганными, что не всегда могут точно указать число преступников, описать, какие действия были совершены конкретно каждым преступником. Часто встречаются не соответствующие действительности обобщения в оценке потерпевшим действий насильников («все держали», «все насильовали» и т.п.). Во-вторых, при попытке выяснить роль каждого участника посягательства посредством допроса их самих следователь и судья сталкиваются с тем, что отдельные преступники стремятся либо взять полностью всю вину на себя и с этой целью выгораживают других соучастников, либо стараются свою вину переложить на других и отвести себе второстепенную роль. Несмотря на отмеченные сложности, необходимо дифференцировать преступную деятельность всех обвиняемых, участвовавших в совершении группового преступления, с максимальной полнотой установить действия каждого из них.

К числу обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о половых преступлениях, относится выяснение вопросов о наличии оконченного преступления или покушения на него, а в последнем случае — о том, не было ли добровольного отказа преступника совершить сексуальное насилие.

Так, преступление следует считать начавшимся, если преступником произведены конкретные насильственные действия, направленные на совершение полового акта, или иные действия

³ Дерягин Г.Б. Расследование половых преступлений : руководство для юристов и врачей. М. : Юрлитинформ, 2008. С. 88–89; Тяжкие и особо тяжкие преступления: квалификация и расследование : руководство для следователей / под общ. ред. С.Г. Кехлерова ; науч. ред. С.П. Щерба. М. : Спарк, 2001. С. 101.

⁴ Энциклопедия уголовного права. Т. 15: Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб. : Изд. проф. Малинина — СПб ГКА, 2011. С. 63.

сексуального характера. Не всегда можно считать покушением на сексуальное посягательство такие действия, как поцелуи, объятия, трогание за интимные места и т.п.

Если выдвигается предположение о покушении на сексуальное посягательство, то следует выяснить, преследовал ли виновный цель совершения именно преступления сексуального характера, являлось ли примененное им насилие средством к достижению этой цели, почему преступление не было доведено до конца (из-за страха перед наказанием, жалости к жертве и др.). Установление возможных причин важно для признания добровольного отказа покушавшегося от совершения преступления.

Уголовно-процессуальный закон требует в ходе доказывания устанавливать виновность обвиняемого и мотивы совершения им преступления. По рассматриваемой категории дел важно достоверно установить наличие у обвиняемого прямого умысла на сексуальное посягательство, то есть что, совершая данное деяние, преступник осознавал, что он насильственно вступает или пытается вступить в половое сношение с потерпевшим либо совершает с ним иные действия сексуального характера, вопреки его воле и желанию. На это необходимо обращать особое внимание по делам об изнасилованиях при доказывании совершения насильственного полового акта мужчины с хорошо знакомой ему потерпевшей. Ему должно было быть очевидно явное нежелание потерпевшей вступать с ним в близкие отношения, он должен был сознавать реальность оказанного ему сопротивления⁵.

Когда потерпевшая не оказывает насильнику активного сопротивления, у него появляется повод затем говорить о добровольности совершенного полового акта, а примененное насилие относить к своеобразной форме выра-

жения половой страсти. В таком случае должны быть установлены характер и интенсивность насильственных действий, каким образом реагировала на них потерпевшая, наступившие последствия и т.д.

Мотивом преступления по большинству сексуальных посягательств является желание обвиняемого удовлетворить имеющуюся у него половую потребность. На практике по уголовным делам рассматриваемой категории часто необоснованно определяется мотив соответствующих преступлений как «сексуальный», причем он считается низменным. В действительности, сексуальный мотив сам по себе таковым не является, низменным и противоправным может быть лишь способ удовлетворения естественной для человека половой потребности, который как раз и имеет место в сексуальных посягательствах.

Сексуальные преступления могут быть совершены и по иным мотивам: из мести, из хулиганских побуждений, из желания опозорить или унижить жертву, принудить ее постоянно вступать в половые отношения с виновным или с другими лицами.

Некоторые следователи и судьи в ситуациях отсутствия у них достаточных знаний для того, чтобы определить мотивы конкретного преступления, имеющего сексуальную окраску, считают соответствующее посягательство безмотивным или признают его совершенным из хулиганских побуждений. Такая оценка не позволяет точно определить субъективные причины совершения исследуемого деяния, не дает правильного представления о личности обвиняемого.

Мотив совершения полового преступления следует выяснять особенно тщательно по групповым делам в отношении каждого из исполнителей и соучастников, так как мотивы разных субъектов могут не совпадать.

При совершении сексуального преступления особо жестоким способом

⁵ Тяжкие и особо тяжкие преступления: квалификация и расследование : руководство для следователей. С. 101.

часто возникает вопрос о вменяемости субъекта деяния. Поэтому в подобных случаях при изучении личности виновного должно быть точно установлено его психическое состояние.

В соответствии с требованиями закона следователь и судья в ходе производства по делу должны устанавливать обстоятельства, являющиеся смягчающими и отягчающими наказание (ст. 61, 63 УК РФ), а также иные обстоятельства, характеризующие личность виновного. Указанные обстоятельства не только должны быть отражены в материалах уголовного дела, в частности в обвинительном заключении и в приговоре, но их наличие нужно подтвердить документально: характеристиками, справками, протоколами о явке с повинной, протоколами допросов, заключениями экспертиз и т.д.

Материальный и моральный вред, физический вред здоровью, причиненный потерпевшему сексуальным посягательством, устанавливаются в ходе допросов, проведения судебно-медицинских экспертиз, путем приобщения к уголовному делу справок и платежных документов об оплате расходов, затраченных на лечение, на восстановление здоровья.

Очерченный законодателем круг обстоятельств, составляющих предмет доказывания, не исчерпывает

всех обстоятельств, которые должны быть установлены по делу. В ходе исследования события преступления устанавливаются так называемые доказательственные факты, хотя и не имеющие непосредственно правового значения, но необходимые для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. Эти факты могут быть самыми разнообразными в зависимости от видов преступлений, и в силу этого их круг, в отличие от юридически значимых обстоятельств, законом не предусмотрен. По делам о половых посягательствах доказательственным фактом часто является оставление преступником следов спермы на теле или одежде потерпевшей или в ее половых органах. Однако наличие спермы указывает лишь на имевший место половой акт. Поэтому в таких случаях требуется также получение доказательств применения насилия к потерпевшей⁶.

В отдельных случаях установление именно доказательственных фактов может иметь решающее значение для доказывания виновности конкретного лица в совершении полового посягательства.

⁶ Гаврилин Ю.В., Шурухнов Н.Г. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений : курс лекций. М. : Книж. мир, 2004. С. 79.

Литература

1. Гаврилин Ю.В. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений : курс лекций : учебное пособие для студентов вузов / Ю.В. Гаврилин, Н.Г. Шурухнов. Москва : Книжный мир, 2004. 466 с.
2. Дерягин Г.Б. Расследование половых преступлений : руководство для юристов и врачей / Г.Б. Дерягин. Москва : Юрлитинформ, 2008. 528 с.
3. Скорченко П.Т. Расследование изнасилований / П.Т. Скорченко. Москва : Былина, 2004. 224 с.
4. Тяжкие и особо тяжкие преступления: квалификация и расследование : руководство для следователей / под общей редакцией С.Г. Кехлерова ; научный редактор С.П. Щерба. Москва : Спарк, 2001. С. 84–124.
5. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учебное пособие / Л.Т. Ульянова. Москва : Городец, 2008. 176 с.
6. Энциклопедия уголовного права. В 30 томах / принимают участие : В.Л. Кудрявцев [и др.]. Т. 15. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности / ответственный редактор В.Б. Малинин. Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинина — СПб ГКА, 2011. 582 с.

О некоторых проблемах правового обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве

Афанасьева Татьяна Ивановна,

доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
tia82@bk.ru

Несмотря на наличие значительного массива доктринальных источников, официальных разъяснений и судебных правовых позиций, повышенная сложность и неординарность прокурорской деятельности и сферы государственного управления продуцируют малоисследованный и дискуссионный характер многих ключевых аспектов, связанных с участием прокурора в административном судопроизводстве. В настоящем исследовании автор обращает внимание на такие проблемные моменты Кодекса административного судопроизводства РФ, как ограничение права прокурора на обращение с административным иском в защиту прав и законных интересов гражданина, практическая реализация права прокурора на отказ от административного иска, поданного в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина; ослабление прокурором нормативных правовых актов. Автор отстаивает тезис о том, что без корректировки положений Кодекса административного судопроизводства РФ устранить существующие проблемы невозможно.

Ключевые слова: прокурор, административное судопроизводство, участие прокурора в административном судопроизводстве, ненадзорная деятельность прокуратуры.

On Some Problems of the Legal Support of the Prosecutor's Involvement in Administrative Proceedings

Afanasyeva Tatyana I.

Associate Professor of the Department of Organization of Judicial, Prosecution and Investigative Activities of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
PhD (Law), Associate Professor

Despite the presence of a significant array of doctrinal sources, official explanations and judicial legal positions, the increased complexity and originality of the prosecutor's activities and the sphere of public administration, produce a little-studied and controversial nature of many key aspects associated with the participation of the prosecutor in administrative proceedings. In this study, the author draws attention to such problematic aspects of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation as limiting the right of the prosecutor to file an administrative statement of claim in defense of the rights and legitimate interests of a citizen, the practical implementation of the right of the prosecutor to refuse an administrative claim filed in defense of rights, freedoms and the legitimate interests of a citizen; challenging by the prosecutor of normative legal acts. The author defends the thesis that it is impossible to eliminate the existing problems without correcting the provisions of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation.

Keywords: prosecutor, administrative proceedings, participation of the prosecutor in administrative proceedings, prosecutorial activity.

Предусмотренная Кодексом административного судопроизводства РФ (КАС РФ)¹ и другими федеральными законами компетенция прокуратуры в отношении административных споров весьма объемна. Не вдаваясь в дискуссию относительно обоснованности участия прокурора в административном судопроизводстве, отметим, что это участие — неоспоримый вклад прокуратуры в обеспечение баланса частных и общественных, государственных

интересов, при котором не допускаются необоснованные ограничения прав и свобод человека.

Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ говорит о постоянном росте количества административных дел, принимаемых к производству в связи с обращениями прокурора. К примеру, если в 2018 г. было 82 745 дел, то в 2019 г. — 116 103 дела, за первое полугодие 2020 г. дел уже 71 497² (итоги в целом по 2020 г. еще не подведены). Процент этих

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

² Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461>

дел в общем количестве дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства, конечно, невелик, однако за каждым из них стоят права, свободы и законные интересы конкретных лиц, не получившие защиты с использованием иных правовых механизмов.

Несмотря на наличие значительного массива доктринальных источников, официальных разъяснений и судебных правовых позиций, повышенная сложность и неординарность прокурорской деятельности и сферы государственного управления продуцируют малоисследованный и дискуссионный характер многих ключевых аспектов, связанных с участием прокурора в административном судопроизводстве, начиная с предпосылок такового до конкретных административных споров. Если говорить о практических аспектах, то стоит отметить несколько остающихся острыми вопросов.

Обоснованно, на наш взгляд, в научной литературе критикуется закрепленное в ст. 39 КАС РФ положение, ограничивающее право прокурора обратиться с административным иском заявлением в защиту прав и законных интересов гражданина лишь при условии наличия уважительных причин, делающих самостоятельную защиту гражданином своих прав невозможной³. По этому поводу О.В. Гречкина пишет, что «функция надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, обязывающая прокурора вставать на защиту нарушенных прав, напрочь забыта»⁴. Между тем, учитывая специфику споров, разрешаемых в порядке административного судопроизводства, характерный для них дисбаланс сил сторон, вполне целесообразно и уместно включение в КАС РФ положений, аналогичных тем, что содержатся в Гражданском процессуальном кодексе РФ⁵, позволяющих прокурору в ряде случаев обращаться в защиту интересов граждан по их просьбе вне зависимости от ограничений.

Вызывают обоснованную критику положения КАС РФ применительно к оспариванию прокурором нормативных правовых актов⁶. Исходя из системного толкования ст. 39, 125, 208 и 213 КАС РФ в их взаимосвязи приходится констатировать, что прокурор вправе обратиться с административным иском заявлением о признании недействующим нормативного правового акта только в ситуациях, когда уже имело место нарушение прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или публично-правового образования. Данное обстоятельство обязывает прокурора включать в административное исковое заявление соответствующие сведения, в противном случае это может явиться основанием для отказа в принятии иска по формальным причинам. По нашему мнению, такая увязка права прокурора на оспаривание нормативно-правового акта исключительно с его правозащитной функцией не верна, поскольку искажает миссию прокуратуры, определенную для нее в действующем законодательстве. Такое оспаривание, по сути, является логическим продолжением деятельности прокуратуры по надзору за законностью нормативных правовых актов и их проектов.

Отмеченные обстоятельства оказывают негативное влияние на судебную практику, сложившуюся относительно исследуемого вопроса, она противоречива. Исходя из материалов судебной практики по оспариванию нормативных правовых актов на основании административного искового заявления прокурора, одни суды не требуют указания на то, какие и чьи права, свободы и законные интересы нарушаются оспариваемым актом⁷, другие, напротив, исходят из того, что прокурор вправе обратиться в суд с административ-

³ См., например: Туманов Д.А. Участие в административном судопроизводстве прокурора, а также органов, организаций и граждан с целью защиты «чужих» интересов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 61.

⁴ Гречкина О.В. Полномочия прокурора в административном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 11. С. 73.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 12.01.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁶ См., например: Исмагилов Р.Р. Роль прокурора в абстрактном нормотворчестве, осуществляемом в порядке административного судопроизводства // Законность. 2018. № 3. С. 36.

⁷ См., например: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 23 января 2019 г. № 69-АПГ18-12; Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2019 г. № 66-АПА19-10; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2020 г. № 88а-279/2020 по делу № 2а-984/2019; Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 октября 2020 г. № 88а-7707/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

ным иском заявлением, если полагает, что принятый нормативный правовой акт не соответствует нормативному правовому акту большей юридической силы, нарушает права, свободы и законные интересы граждан⁸.

Необходимо отметить п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»⁹, в котором разъяснено, что при рассмотрении дела об оспаривании нормативного правового акта или акта, обладающего нормативными свойствами, суд выясняет, нарушены ли права, свободы и законные интересы административного истца, заявителя лишь в той ситуации, когда оспариваемый акт до принятия судом решения в установленном порядке отменен, а также когда действие его прекратилось. При таком варианте подлежат доказыванию нарушение прав и законных интересов лиц в период действия оспариваемого акта, и, как следствие, соответствующие сведения подлежат указанию в административном исковом заявлении.

Таким образом, вне описанной в разъяснениях Верховного Суда РФ ситуации оспаривание прокурором нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, должно осуществляться вне связи с защитой каких-либо субъективных прав, то есть в порядке абстрактного нормоконтроля.

Далее обращают на себя внимание проблемы практической реализации права прокурора на отказ от административного иска, поданного в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина. В силу указаний ч. 6 ст. 39 КАС РФ, суд оставляет соответствующее заявление без рассмотрения, если гражданин, его представитель или законный представитель *не заявит об отказе от административного иска*. В случае их отказа от административного иска

суд принимает отказ, если это не противоречит действующему законодательству и не нарушает права, свободы и законные интересы других лиц, и прекращает производство по делу. При этом по правилам ч. 7 ст. 40 КАС РФ события в сходной ситуации развиваются несколько иначе. В случае отказа от административного иска, поданного в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица, суд оставляет административное исковое заявление без рассмотрения, если гражданин, его представитель или законный представитель *не заявит о том, что он поддерживает административный иск*. В случае их отказа поддержать административный иск суд принимает отказ, если это не противоречит закону и не нарушает права, свободы и законные интересы других лиц, и прекращает производство по делу. При сравнении статей обращает на себя внимание то, что по-разному определяется значимое для прекращения производства по делу обстоятельство.

Отказ прокурора от административного иска сам по себе может быть болезненно воспринят человеком, в интересах которого он был заявлен, может «демотивировать заинтересованное лицо», как отмечает Д.А. Туманов¹⁰. И в придачу к этому возникают серьезные вопросы, касающиеся дальнейшего движения дела и отдельных аспектов защиты прав и законных интересов гражданина. Каковы действия суда при заявлении прокурором отказа от административного иска? Должен ли он запросить гражданина о его намерении распорядиться административным иском с учетом того, что согласно ч. 4 ст. 39 КАС РФ на прокуроре лежит обязанность по уведомлению гражданина о своем отказе от иска? Как исчисляются сроки для защиты права в связи с оставлением административного иска без рассмотрения? Четких ответов на эти вопросы КАС РФ не содержит.

По мнению некоторых ученых, в ч. 6 ст. 39 КАС РФ целесообразно предусмотреть ситуацию, при которой у административного истца должна быть возможность настаивать на продолжении рассмотрения дела в случае отказа прокурора от иска¹¹.

⁸ См., например: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 18 января 2017 г. № 53-АПГ16-30 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

¹⁰ Туманов Д.А. Участие в административном судопроизводстве прокурора, а также органов, организаций и граждан с целью защиты «чужих» интересов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 66.

¹¹ См., например: Туманова Л.В. Кодекс административного судопроизводства: хорошее должно

Такой вариант нам представляется наиболее оправданным по следующим соображениям.

Принимая во внимание, что прокурор не является материальным истцом, гражданину, в интересах которого им был предъявлен административный иск, должно принадлежать право определить судьбу этого иска в случае отказа прокурора от его поддержания. Это требует от суда выяснения позиции гражданина относительно продолжения процесса, а не просто констатации отсутствия его заявления об отказе от иска. Полагаем, суд должен запросить гражданина о том, намерен ли он поддерживать административный иск или отказаться от иска, разъяснив, что при неполучении ответа судом иск будет оставлен без рассмотрения. На наш взгляд, столь активная роль суда в рассматриваемой ситуации необходима в свете оснований обращения прокурора в суд с административным иском в интересах конкретного гражданина.

Другой немаловажный аспект, вытекающий из отказа прокурора от поддержания административного иска, связан с исчислением сроков для судебной защиты прав тем гражданином, в интересах которого прокурор инициировал процесс. Справедливо указывает Д.А. Туманов, что правила о течении этих сроков после оставления иска без рассмотрения неочевидны. Сам ученый из трех предлагаемых им вариантов правил на этот счет наиболее приемлемым считает одно, в силу которого срок на обращение в суд не течет с момента обращения в суд прокурора и до момента вынесения судом определения об оставлении иска без рассмотрения, после которого течение соответствующего срока продолжается. При этом если оставшегося срока недостаточно для обращения в суд, а также в случае его истечения, то срок может быть восстановлен, если это допускается законом¹². Предложение автора

представляется разумным и оправданным. Понятно, что сроки исковой давности по делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства, с учетом российских традиций тяготения этого института к материальному праву в большей степени не относятся к вопросам, регламентируемым КАС РФ. Вместе с тем, исходя из установления в КАС РФ таких сроков по отдельным категориям административных дел (например, оспаривание решений, действий (бездействия) органов власти; о защите избирательных прав и права на участие в референдуме; о госпитализации в недобровольном порядке), полагаем уместным уделить внимание в КАС РФ и вопросам течения сроков на судебную защиту в случае отказа прокурора от административного иска.

Административный иск может быть подан прокурором не только в интересах конкретного гражданина, но и в интересах неопределенного круга лиц и публично-правовых образований. Относительно отказа прокурора от административного иска, заявленного в защиту интересов неопределенного круга лиц или публично-правового образования, в КАС РФ вообще нет никаких указаний. При этом об отсутствии у прокурора такого права речи не идет, поскольку в ч. 4 ст. 39 КАС РФ прокурор наделяется правами и обязанностями административного истца, за некоторыми исключениями, среди которых нет права на отказ от иска. С отказом прокурора от такого иска при отсутствии добровольного удовлетворения его требований, помимо тех же вопросов, остается открытым вопрос о дальнейшем представительстве интересов неопределенного круга лиц или публично-правового образования.

Относительно действий суда при рассмотрении гражданского иска прокурора в интересах неопределенного круга лиц судебная практика исходит из того, что суд должен привлечь к участию в деле заинтересованных лиц и выяснить их мнение по вопросу о принятии отказа прокурора от иска¹³. Однако в административном судопроизводстве это возможно далеко не всегда. К примеру, сложно представить себе такой сценарий при оспаривании

быть лучшим // Судья. 2018. № 11. С. 19; Туманов Д.А. Участие в административном судопроизводстве прокурора, а также органов, организаций и граждан с целью защиты «чужих» интересов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 67; Шестак В.А. О некоторых положениях современной практики применения судами законодательства в сфере административного судопроизводства // Мировой судья. 2018. № 7. С. 39.

¹² Туманов Д.А. Участие в административном судопроизводстве прокурора, а также органов, организаций и граждан с целью защиты «чужих» интересов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 67.

¹³ См., например: Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 6 октября 2020 г. № 88-5647/2020 по делу № 2-43/2020; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 8 апреля 2020 г. № 88-7046/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

нормативных правовых актов. На наш взгляд, приемлемого для всех категорий административных дел варианта разрешения этой проблемы нет, слишком они разнообразны. При этом видится необходимым решение этого вопроса, прежде всего по тем категориям дел, где сроки для судебной защиты существенно ограничены.

Излагая ту же проблему, А.Ю. Винокуров отмечает, что законодатель напрасно проигнорировал правовые последствия отказа прокурора от исковых требований, заявленных в интересах Российской Федерации, ее субъектов или муниципальных образований, ему следовало бы указать на возможность представителей соответствующих публично-правовых образований продолжать защиту их интересов¹⁴.

Обоснованность приведенной позиции у нас не вызывает сомнений. С представительством интересов публичного образования при выбытии прокурора из процесса вопрос решается гораздо проще по сравнению с его иском в защиту интересов неопределенного круга лиц. Вступить в административный процесс как истец может профильное ведомство. Поэтому при отказе прокурора от административного иска суд должен решить вопрос о привлечении к участию в деле органов, уполномоченных выступать в спорном правоотношении от имени материальных истцов, — Российской Федерации, ее субъекта или муниципального образования и выяснить их мнение относительно поступившего заявления прокурора об отказе от иска. Производство по делу может быть прекращено только при их отказе от административного иска.

Наконец, нельзя обойти вниманием и фундаментальный вопрос процессуального статуса прокурора, относительно которого не умолкают дискуссии на страницах научной литературы. В КАС РФ, как и в ГПК РФ, и АПК РФ, данный момент недостаточно четко регламентирован. На сегодняшний день в правовой доктрине существует несколько основных подходов к данной проблеме, достаточно детально раскрытых в трудах ученых¹⁵.

Несмотря на многочисленные попытки прояснения правового статуса прокурора в процессе, как мы видим, точка в этом разговоре не поставлена. Но могут возникнуть сомнения в необходимости продолжения таких исследований. Может, нужно оставить поиски ответа на этот вопрос? Возможно, проблема является надуманной и теоретический интерес ученых не подкреплён практической востребованностью?

Глубоко убеждены в том, что от ответа на этот вопрос зависит выработка важнейших правил о правах и обязанностях прокурора в процессе, его взаимодействии с другими лицами, участвующими в деле, и судом, что служит залогом слаженной работы всех элементов правозащитного механизма в целом. Обозначенные выше проблемные аспекты участия прокурора в административном процессе, заблуждения, встречающиеся в правоприменительной практике, во многом детерминированы отсутствием в доктрине и законодательстве четкого понимания процессуального статуса прокурора.

Бесспорно то, что прокурор, являясь лицом, участвующим в деле, занимает особое процессуальное положение, совершенно отличное от других участников

Ергашев Е.Р., Поджаров Д.А. О некоторых проблемах участия прокурора в гражданском процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 1. С. 103–106; Винокуров А.Ю. О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 179; Иванов А.Л. Прокурор как лицо, участвующее в деле в российском гражданском судопроизводстве: проблемы определения правового статуса // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 4. С. 85–86; Ижнина Л.П., Макаренко А.Ю. Проблемные вопросы процессуального статуса прокурора в гражданском процессе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 81–83; Колюка Н.Н., Басов А.В. К вопросу определения процессуального статуса прокурора в административном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 173; Отческа Т.И. Процессуальные аспекты участия прокурора в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 122; Отческа Т.И., Володина Д.В., Отческий И.Е. Участие прокурора в рассмотрении судами гражданских, арбитражных и административных дел: курс лекций / отв. ред. Т.И. Отческа. М., 2018. С. 37; Туманов Д.А. Проблема защиты общественного интереса в российском гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 9. С. 11; и мн. др.

¹⁴ Винокуров А.Ю. О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 181.

¹⁵ См., например: Егорова Л.Ю. Проблемы защиты публичных интересов прокурором в гражданском и арбитражном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. М., 2006. С. 26;

процесса, обусловленное необходимостью выполнения функций, возложенных на него Конституцией РФ и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»¹⁶. В этой связи, полагаем, позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой «прокурор в целях осуществления возложенных на него полномочий выступает в качестве защитника интересов лиц, участвующих в деле, интересов законности»¹⁷, могла бы

стать отправной точкой в формировании положений о правовом статусе прокурора в административном и гражданско-правовых процессах.

С целью устранения существующей неопределенности следует ввести в КАС РФ четкие правила, касающиеся обозначенных аспектов участия прокурора в административном судопроизводстве. Полагаем, этому процессу в немалой степени может способствовать научно-теоретическое обоснование их ключевых пунктов.

¹⁶ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

¹⁷ Определения Конституционного Суда РФ от 27 января 2011 г. № 76-О-О; от 25 сентября

2014 г. № 2090-О; от 22 апреля 2014 г. № 806-О // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Винокуров А.Ю. О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве / А.Ю. Винокуров // Административное и муниципальное право. 2016. № 2 (98). С. 178–182.
2. Гречкина О.В. Полномочия прокурора в административном судопроизводстве / О.В. Гречкина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 11. С. 73–74.
3. Егорова Л.Ю. Проблемы защиты публичных интересов прокурором в гражданском и арбитражном судопроизводстве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Л.Ю. Егорова. Москва, 2006. 29 с.
4. Ергашев Е.Р. О некоторых проблемах участия прокурора в гражданском процессе / Е.Р. Ергашев, Д.А. Поджаров // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 1. С. 103–106.
5. Иванов А.Л. Прокурор как лицо, участвующее в деле в российском гражданском судопроизводстве: проблемы определения правового статуса / А.Л. Иванов // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 4. С. 85–86.
6. Ижнина Л.П. Проблемные вопросы процессуального статуса прокурора в гражданском процессе / Л.П. Ижнина, А.Ю. Макаренко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 81–83.
7. Исмагилов Р.Р. Роль прокурора в абстрактном нормоконтроле, осуществляемом в порядке административного судопроизводства / Р.Р. Исмагилов // Законность. 2018. № 3 (1001). С. 34–36.
8. Колюка Н.Н. К вопросу определения процессуального статуса прокурора в административном судопроизводстве / Н.Н. Колюка, А.В. Басов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2019. № 4. С. 166–173.
9. Отческая Т.И. Процессуальные аспекты участия прокурора в арбитражном процессе / Т.И. Отческая // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2 (87). С. 122–131.
10. Отческая Т.И. Участие прокурора в рассмотрении судами гражданских, арбитражных и административных дел : курс лекций / Т.И. Отческая, Д.В. Володина, И.Е. Отческий ; ответственный редактор Т.И. Отческая. Москва : Проспект, 2018. 157 с.
11. Туманов Д.А. Проблемы защиты общественного интереса в российском гражданском процессе / Д.А. Туманов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 9. С. 3–10.
12. Туманов Д.А. Участие в административном судопроизводстве прокурора, а также органов, организаций и граждан с целью защиты «чужих» интересов / Д.А. Туманов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 60–68.
13. Туманова Л.В. Кодекс административного судопроизводства: хорошее должно быть лучшим / Л.В. Туманова // Судья. 2018. № 11 (95). С. 18–20.
14. Шестак В.А. О некоторых положениях современной практики применения судами законодательства в сфере административного судопроизводства / В.А. Шестак // Мировой судья. 2018. № 7. С. 36–40.

Реформа российского конституционного судопроизводства 2020 г.: проблемы и тенденции

Брежнев Олег Викторович,

профессор Курской академии государственной и муниципальной службы, ведущий научный сотрудник Центра изучения проблем публичного управления и финансового права Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук, профессор
obrezhnev@yandex.ru

Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» и принятые в порядке его реализации поправки в Регламент Конституционного Суда РФ существенно модифицировали многие процедуры конституционного судопроизводства. В статье показаны основные тенденции развития правового регулирования конституционного правосудия, о которых позволяет судить анализ этой реформы: обеспечение полной процессуальной регламентации всех полномочий Конституционного Суда РФ, в том числе тех, которые были предусмотрены иными федеральными конституционными законами; расширение применения письменной формы судопроизводства; отказ от некоторых утративших свою значимость процессуальных институтов; активное использование информационно-коммуникационных технологий на различных этапах конституционного судопроизводства. Раскрыта взаимосвязь данной реформы с общими изменениями правового регулирования судостроительства и осуществления правосудия в России.

Ключевые слова: конституция, реформа, суд, статус, правосудие, судопроизводство, компетенция.

The Reform of Russian Constitutional Proceedings 2020: Problems and Tendencies

Brezhnev Oleg V.

Professor of the Kursk Academy of Public and Municipal Service
Leading Research Scientist of the Center for Study of Public Management and Financial Law Issues of the Southwest State University
LL.D., Professor

Federal Constitutional Law of November 9, 2020 No. 5-FKZ 'On Amendments to the Federal Constitutional Law 'On the Constitutional Court of the Russian Federation' and the amendments to the Rules of the Constitutional Court of the Russian Federation adopted in the course of its implementation have significantly modified many procedures of constitutional proceedings. The article shows the main trends in the development of legal regulation of constitutional justice, which can be judged by the analysis of this reform: the provision of full procedural regulation of all powers of the Constitutional Court of the Russian Federation, incl. those that were provided for by another federal constitutional laws; expanding the use of written form of legal proceedings; rejection of some of the procedural institutions that have lost their significance; active use of information and communication technologies at various stages of constitutional proceedings. The relationship of this reform with general changes in the legal regulation of the judicial system and administration of justice in Russia is revealed.

Keywords: constitution, reform, court, status, justice, proceedings, competence.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», вступивший в силу после одобрения на общероссийском голосовании, существенно изменил правовой статус Конституционного Суда Российской Федерации¹, что коснулось

как организации, так и компетенции этого органа². Принятые в порядке реализации конституционной поправки Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»

¹ Далее — КС РФ.

² См.: Брежнев О.В. Конституционная реформа 2020 г. и развитие конституционного правосудия в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 3–6.

Федерации»³ и решение КС РФ от 12 ноября 2020 г. о внесении изменений в Регламент КС РФ существенно модифицировали многие процедуры конституционного судопроизводства³. Анализ этих изменений позволяет выделить не только наиболее существенные из них, но и определить те тенденции, которые свойственны развитию правового регулирования конституционного правосудия в России.

Прежде всего отметим, что изменения, внесенные в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁴, направлены на обеспечение полной процессуальной регламентации всех полномочий КС РФ, в том числе тех, которые были ранее предусмотрены иными федеральными конституционными законами («О референдуме Российской Федерации», «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»). При этом, поскольку некоторые из данных полномочий связаны с осуществлением обязательного конституционного контроля, т.е. обращение в КС РФ и их реализация являются неотъемлемой частью юридического состава соответствующего государственно-властного решения (о назначении референдума Российской Федерации (РФ), о принятии в РФ нового субъекта РФ), то принципы конституционного судопроизводства проявляют свое регулятивное воздействие применительно к этим полномочиям с существенными особенностями, которые теперь непосредственно отражены в законе.

Данные особенности обусловлены бесспорным характером соответствующего разбирательства: основанием к рассмотрению дела в этом случае является само правомочие КС РФ рассмотреть соответствующее дело (ч. 3 ст. 36 ФКЗ о КС РФ); отсутствует обязанность заявителя сформулировать в обращении позицию по поставленному им вопросу и привести ее правовое обоснование со ссылкой на соответствующие нормы Конституции РФ (п. 8 ч. 2 ст. 38 ФКЗ о КС РФ); не является обязательным предварительное изучение обращения судьей (судьями) КС РФ (ч. 1 ст. 41 ФКЗ о КС РФ).

³ См.: Велиева Д.С., Пресняков М.В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 г.: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 12–22.

⁴ Далее — ФКЗ о КС РФ.

Вместе с тем следует отметить, что новое процессуальное регулирование полномочий КС РФ, связанных с институтом референдума РФ, не вполне соответствует их регламентации в Федеральном конституционном законе от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации». В данном законе предусмотрено осуществление КС РФ двух полномочий: по проверке конституционности *инициативы* проведения референдума РФ в связи с запросом Президента РФ (ч. 1 и 2 ст. 23); по проверке конституционности *вопросов* референдума РФ в связи с запросом Верховного Суда РФ, рассматривающего административное дело об оспаривании постановления Центральной избирательной комиссии РФ о несоответствии вопросов референдума РФ требованиям законодательства (ч. 17 ст. 15). В ФКЗ о КС РФ эти два полномочия фактически сведены к одному: проверке конституционности вопросов референдума РФ (п. 5.1 ч. 1 ст. 3, гл. XVI). При этом законодатель фактически проигнорировал предусмотренное Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации» отличие предметов рассмотрения соответствующих дел (инициатива проведения референдума РФ и его вопросы). Кроме того, если первое из указанных полномочий с очевидностью относится к обязательному конституционному контролю, то второе предполагает обращение в КС РФ лишь в тех случаях, когда Верховный Суд РФ, рассматривая соответствующее дело, увидит некую конституционную проблему, разрешение которой находится в компетенции КС РФ. Несмотря на отличия этих полномочий, законодатель счел уместным установить для их осуществления, по сути, единую процедуру.

Определенным образом обновлено содержание различных процессуальных стадий конституционного судопроизводства. В частности, с учетом сложившейся практики, ФКЗ о КС РФ (ч. 1 ст. 96, п. 10.1 ч. 1 ст. 75) дифференцирует обращения с жалобой на те, которые поданы в защиту прав непосредственно заявителя и которые направлены в интересах иного лица, что влияет на характер соответствующих процедур конституционного судопроизводства. Некоторые уточнения претерпела стадия предварительного рассмотрения обращений: конкретизированы основания уведомления Секретариатом КС РФ

заявителя о несоответствии его обращения требованиям ФКЗ о КС РФ (выделены в качестве оснований подача обращения *явно* ненадлежащим органом или лицом, *явная* неисчерпанность других внутригосударственных средств судебной защиты).

Установлены сроки совершения отдельных процессуальных действий: 1 месяц — для рассмотрения обращения Секретариатом КС РФ (п. 1 § 23 Регламента КС РФ); 4 месяца — для исправления недостатков обращения, на которые указано Секретариатом КС РФ в уведомлении, что является условием для признания обращения поданным в день подачи первичного обращения (ч. 3 ст. 40 ФКЗ о КС РФ). Определенными пресекательными сроками теперь ограничена возможность отзыва обращения: по делам, рассматриваемым с проведением слушания, — не позднее, чем за 10 дней до начала рассмотрения дела; без проведения слушания — в течение 1 месяца со дня принятия обращения к рассмотрению. В то же время из ФКЗ о КС РФ исключены нормы, устанавливавшие сроки предварительного изучения обращения судьей (ч. 1 ст. 41), принятия обращения к рассмотрению (ч. 1 ст. 42), назначения слушания по делу (ст. 43). Тем самым обеспечивается более гибкое регулирование этих процессуальных стадий конституционного судопроизводства с учетом иных заслуживающих внимания факторов: сложности и общественной значимости дела, очередности поступления обращений и др. Подобный подход к регламентации сроков соответствует специфике данной процессуальной формы судебной власти, которая проявляется и в том, что законодательная регламентация порядка ее реализации, как правило, носит менее детализированный характер, чем применительно к иным видам судопроизводства.

Определенным образом упорядочено совершение некоторых процессуальных действий на подготовительных стадиях конституционного судопроизводства: например, требования, предполагающие проведение исследований, проверок, экспертиз, не могут быть заявлены судьей при предварительном изучении обращения, а при подготовке судьей-докладчиком дела к слушанию направляются только по согласованию с Председателем КС РФ (ч. 2 ст. 41, ч. 2 ст. 49 ФКЗ о КС РФ). Это позволяет целевым образом огра-

ничить взаимодействие КС РФ и других органов и лиц при подготовке дела к рассмотрению.

Важной тенденцией, характерной для развития не только российского, но и зарубежного конституционного правосудия, является *расширение применения письменной формы судопроизводства* (разрешения дела «без проведения слушания»). Изменения, внесенные в ФКЗ о КС РФ и Регламент КС РФ, с очевидностью свидетельствуют об этой тенденции, что нашло свое выражение в следующих новеллах:

— расширении полномочий КС РФ, которые могут быть реализованы в этой организационной форме конституционного судопроизводства: помимо полномочий, связанных с абстрактным и конкретным последующим нормоконтролем, к таковым отнесены полномочия по предварительному нормоконтролю, проверке конституционности вопросов референдума РФ, разрешению вопроса о возможности исполнения решения не только межгосударственного органа, но и иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража);

— расширении оснований для использования данной формы судопроизводства: теперь к ним относятся не только те случаи, когда вопрос может быть решен на основании содержащихся в ранее принятых постановлениях КС РФ правовых позиций, но и те, при которых «с учетом характера поставленного вопроса и обстоятельств дела отсутствует явная необходимость в устном представлении позиции заявителя и другой стороны при ее наличии»;

— исключении возможности обращения с ходатайством о возращении на использование процедуры разрешения дела без проведения слушания (в Регламенте КС РФ (п. 3 § 38) упоминания о таком ходатайстве остались, но эти нормы должны быть приведены в соответствие с положениями ФКЗ о КС РФ);

— изменении подходов к содержанию процессуальных институтов, обусловленном расширением оснований для применения этой организационной формы конституционного судопроизводства (например, отменен ранее предусмотренный в Регламенте КС РФ (п. 4 § 34) запрет на назначение экспертизы при разрешении дела без проведения слушания).

Само по себе активное использование письменной формы конституционного судопроизводства свидетельствует о большом объеме сформулированных КС РФ правовых позиций применительно к различным сферам общественных отношений, которые развиваются посредством их универсализации. Данная организационная форма конституционного судопроизводства обеспечивает процессуальную экономию и вместе с тем единство походов при разрешении дел, подведомственных КС РФ.

Регламентируя статус сторон конституционного судопроизводства, ФКЗ о КС РФ (п. 1.1 ч. 1 ст. 53) теперь относит к ним и лиц, в отношении которых вынесено решение межгосударственным органом, иностранным или международным (межгосударственным) судом, третейским судом (арбитражем), при разрешении вопроса о возможности исполнения таких решений: практика привлечения КС РФ данных лиц к участию в соответствующих судебных разбирательствах ранее уже сформировалась. Отметим, что в связи с наделением КС РФ полномочиями в сфере предварительного нормоконтроля, посредством реализации которых разрешаются конституционно-правовые споры в области законодательного процесса, было бы целесообразным привлекать к участию в деле о проверке конституционности законопроекта в качестве стороны, помимо заявителя, субъекта законодательной инициативы.

Что касается обеспечения проведения судебного заседания, законодатель принял решение отказаться от института судебных приставов в пользу возложения полномочий по поддержанию порядка в заседании КС РФ на сотрудников Секретариата КС РФ (ч. 5 ст. 54 ФКЗ о КС РФ). Это не только соответствует сложившейся практике проведения заседаний КС РФ, но и ранее было закреплено в нормах Регламента КС РФ (§ 49), хотя в Федеральном законе от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (ч. 2 ст. 6.5) на соответствующие органы возлагается в том числе обеспечение установленного порядка деятельности КС РФ. Одновременно из ФКЗ о КС РФ исключены нормы о фактически неиспользуемом правомочии КС РФ по наложению штрафа за нарушение порядка в заседании и

неподчинение законным распоряжениям председательствующего.

В качестве определенной тенденции можно отметить *регламентацию некоторых процессуальных институтов конституционного судопроизводства по аналогии с тем, как они урегулированы в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве*. С учетом специфики конституционного правосудия законодатель посчитал возможным предусмотреть в ФКЗ о КС РФ:

— открытый перечень оснований для отстранения судьи от участия в деле, допускающий возможность учета иных, не указанных в законе обстоятельств, которые могут вызвать сомнения в объективности и беспристрастности судьи (п. 3 ч. 1 ст. 56 ФКЗ о КС РФ — подобные положения предусмотрены в п. 3 ч. 1 ст. 16 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), п. 5 ч. 1 ст. 21 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ), ч. 2 ст. 31 Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ));

— норму о том, что предметом экспертизы не могут быть вопросы, относящиеся к сфере российского права (ч. 1 ст. 63 ФКЗ о КС РФ);

— возможность провозглашения только вводной и резолютивной частей постановления КС РФ (ч. 1 ст. 77 ФКЗ о КС РФ — в ст. 199 ГПК РФ, ст. 176 АПК РФ, ст. 177 КАС РФ предусматривается возможность объявления только резолютивной части решения суда);

— письменную форму судопроизводства при разъяснении решения КС РФ (ч. 2 ст. 83 ФКЗ о КС РФ — схожий порядок предусмотрен ст. 203.1 ГПК РФ, ст. 179 АПК РФ).

Во всех данных случаях изменения в ФКЗ о КС РФ оправданны не только существующей практикой, но и необходимостью обеспечения равных стандартов судебной защиты прав и свобод граждан.

Среди существенных изменений ФКЗ о КС РФ отметим новую редакцию норм, устанавливающих порядок прекращения производства по делу (ч. 1 ст. 68), которая исключила основание, связанное с тем, что вопрос, регулируемый оспариваемым нормативным правовым актом, не получил разрешения в Конституции РФ или по своему характеру и значению не относится к числу конституционных.

Как представляется, соотнесение проверяемых приложений с предметом конституционного регулирования должно осуществляться еще при решении вопроса о соответствии обращения требованиям ФКЗ о КС РФ, в том числе касающимся «обнаружившейся неопределенности» в конституционности оспариваемой нормы (ч. 2 ст. 36).

Новая редакция ФКЗ о КС РФ (п. 10.1 ч. 1 ст. 75, ч. 3, 4, 5 ст. 100) определенным образом усиливает дискрецию КС РФ в части возможности указания в решении на необходимость пересмотра дела, в связи с которым последовало обращение с жалобой, предусматривая правомочия КС РФ: прийти к выводу об отсутствии оснований для пересмотра дела; указать на возможность использования компенсаторных механизмов; установить, что пересмотр должен быть осуществлен после внесения изменений в законодательство. Кроме того, в порядке реализации правовой позиции КС РФ, сформулированной в его Постановлении от 26 июня 2020 г. № 30-П, законодатель предусмотрел в ч. 3 ст. 79 ФКЗ о КС РФ исчерпывающий перечень случаев, когда решения судов и иных органов, основанные на акте, признанном неконституционным, должны быть пересмотрены. При этом некоторые из этих оснований вызывают вопросы. Например, вряд ли можно считать обоснованной допустимость подобного пересмотра в судах кассационной и надзорной инстанций только в том случае, если соответствующие жалобы или представления поданы по иным основаниям, т.е. не связанным с неконституционностью применявшейся нормы.

Заслуживают критики те изменения в ФКЗ о КС РФ, которые, как представляется, создают препятствия для обеспечения доступа к информации о деятель-

ности КС РФ. К числу таковых относится, например, отказ от публикации особого мнения или мнения судьи (ч. 3 ст. 76 ФКЗ о КС РФ). Данный документ приобщается к протоколу заседания и хранится вместе с ним. Дополнительно установлен запрет для судьи КС РФ на обнародование в какой-либо форме своего особого мнения или мнения по делу (ч. 4 ст. 76 ФКЗ о КС РФ), равно как и содержания дискуссии и результатов голосования, а также своего несогласия с принятым решением (ч. 3 ст. 43 ФКЗ о КС РФ).

С.А. Авакьян высказывает мнение, что данные нормы сами по себе не превращают особые мнения в некие секретные документы, ограничивая лишь возможность их обнародования судьями КС РФ, и «кто-то другой, кто получил доступ к особому мнению, может его опубликовать...»⁵. Однако это вряд ли возможно, ибо в силу п. 3 § 59 Регламента КС РФ даже стороны и другие участники процесса не имеют права знакомиться с особыми мнениями или мнениями судей. Между тем эти документы являются источниками ценной информации, имеющей научное и практическое значение, их содержание может и должно учитываться при совершенствовании законодательства и правоприменительной практики.

Наконец, следует отметить появление новых норм, касающихся использования КС РФ современных информационно-коммуникационных технологий. Например, в Регламент КС РФ внесены положения об использовании автоматизированной информационной системы «Судопроизводство» (п. 1 и 1.1 § 24, п. 1 § 28, п. 1 § 36, п. 1 § 69), а также средств межведомственного электронного документооборота (п. 3 § 27).

⁵ См.: Авакьян С.А. Слово «власть» не должно пугать // Закон. 2020. № 12. С. 14.

Литература

1. Авакьян С.А. Слово «власть» не должно пугать / С.А. Авакьян // Закон. 2020. № 12. С. 8–16.
2. Брежнев О.В. Конституционная реформа 2020 г. и развитие конституционного правосудия в России / О.В. Брежнев // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 3–6.
3. Велиева Д.С. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 г.: «кто будет сторожить сторожей» / Д.С. Велиева, М.В. Пресняков // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 12–22.

К вопросу об обязательности вакцинации и ответственности за отказ от прививок. Анализ постановления Европейского суда по правам человека

Внукова Валентина Арсентьевна,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
кандидат юридических наук
kaf-gp@buket.ru

Мадыгина Ольга Анатольевна,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Белгородского университета кооперации, экономики и права,
кандидат юридических наук
kaf-gp-zav@buket.ru

Бурдина Марина Владимировна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Белгородского университета кооперации, экономики и права
kaf-gp@buket.ru

Профилактика инфекционных болезней во всем мире признана наиболее эффективным методом борьбы за общественное здоровье, однако граждане не всегда хотят прививаться сами и прививать своих детей. Вопрос об обязательности вакцинопрофилактики, об обоснованности привлечения к ответственности за отказ от нее стал предметом рассмотрения в Европейском суде по правам человека в апреле 2021 года. В статье анализируются доводы, положенные в основу постановления Суда, рассматриваются международные и российские документы по этому вопросу.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, прививка, права граждан, жалоба, COVID-19.

On the Obligatory Character of Vaccination and the Liability for Refusal from Vaccination. An Analysis of a Resolution of the European Court of Human Rights

Vnukova Valentina A.

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
PhD (Law)

Madygina Olga A.

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
PhD (Law)

Burdina Marina V.

Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure
of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Prevention of infectious diseases around the world is recognized as the most effective method of fighting for public health, but citizens do not always want to vaccinate themselves and vaccinate their children. The issue of mandatory vaccination, the validity of prosecution for refusal was not considered in the European Court of Human Rights in April 2021. The article analyzes the arguments underlying the Court's Decision, examines international and Russian documents on this issue.

Keywords: the European Court of Human Rights, vaccination, citizens' rights, complaint, COVID-19.

В последнее время активно обсуждается вопрос о введении обязательной вакцинации населения от COVID-19. В прессе и особенно в Интернете публикуются точки зрения врачей-эпидемиологов, политиков, призывающих немедленно начать всеобщую вакцинацию и желающих заработать на этом дополнительные очки¹, и юристов, которые в большей степени основаны на эмоциях, чем на анализе действующего законодательства².

Заместитель председателя Совета безопасности Д.А. Медведев на пленарном заседании Петербургского международного юридического онлайн-форума «9 3/4: Вакцинация правом» заявил о необходимости оценки соотношения «между добровольностью и обязательностью вакцинации, которое может быть изменено в пользу обязательности». Далее он заявил о необходимости оценки соразмерности ценностей: «с одной стороны, отдельной жизни, а с другой — защиты всего населения»³. Президент РФ В.В. Путин заявил о том, что «вводить обязательную вакцинацию нецелесообразно и нельзя», а люди сами должны понять необходимость вакцинации⁴. 25 мая 2021 г. Правительство РФ внесло в Госдуму законопроект о включении вакцинации от COVID-19 в национальный календарь прививок⁵, что делает ее обязательной для отдельных категорий населения.

Очевидно, что вакцинация, которая является предметом рассмотрения в данной статье, является медицинской услугой, которая в России предоставляется за счет средств федерального бюджета⁶. В случае

если человек изъявил желание поставить прививку себе или своему ребенку, подписал информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство — правовых вопросов не возникает. Однако в стране и мире большое количество людей не желающих ставить прививки. Они полагают, что принудить их к этому нельзя, из-за того, что в действующем международном и отечественном законодательстве закреплено право человека на свободу и личную неприкосновенность. Сначала рассмотрим, что по этому вопросу сказано в международных документах.

В статье 3 Всеобщей декларации прав человека закреплено право человека на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность. Несмотря на юридически необязательный характер, этот документ «отражает общую договоренность стран и народов в отношении прав каждого человека»⁷.

В соответствии со ст. 3 Конвенции о правах ребенка⁸, ратифицированной Верховным Советом СССР в 1990 г., во всех действиях в отношении детей «первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка», а государства должны «обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия». Далее, в ст. 24 указанной конвенции предусмотрено, что государства-участники признают право ребенка на наивысший достижимый уровень здоровья, стремятся обеспечить, чтобы ни один ребенок не был лишен своего права на доступ к медицинским услугам. Для этого государства борются с болезнями и развивают профилактическую медицинскую помощь.

Право на личную неприкосновенность закреплено в ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁹.

¹ Круглов А. Жириновский: «С 1 октября такие draconовские меры введут, что мы быстро догоним все страны по вакцинации». URL: <https://reporter64.ru/content/view/zhirinovskij-s-1-oktyabrya-takie-draconovskie-mery-vvedut-chtomy-bystro-dogonim-vse-strany-po-vakcinacii>

² Иванов А. Принудительная вакцинация от коронавируса в России: законно ли это? URL: <https://xn--1-iubx.xn--p1ai/blog/detail/prinuditelnaya-vaktsinatsiya-o/>

³ Данилин П. Ждет ли граждан России принудительная вакцинация. URL: <https://ria.ru/20210525/vaktsinatsiya-1733734608.html>

⁴ URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/05/2021/60ae6ba89a7947f2a9a8cd04>

⁵ О внесении изменения в статью 9 Федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1179765-7>

⁶ Об иммунопрофилактике инфекционных болезней : Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ (ред. от 28.11.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Сафаров Б.А. Всеобщая декларация прав человека как основополагающий документ международной стандартизации прав человека // Вестник ТГУПБП. 2013. № 2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vseobschaya-deklaratsiya-prav-cheloveka-kak-osnovopolagayuschiy-dokument-mezhdunarodnoy-standartizatsii-prav-cheloveka> (дата обращения: 27.05.2021).

⁸ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963),

Отсюда наиболее важным вопросом является соотношение понятий «неприкосновенность» и «общественное здоровье».

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, принятом в 1966 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН и ратифицированном Указом Президиума ВС СССР в 1973 году¹⁰, в ст. 12, сказано, что государство принимает меры, направленные на предупреждение и лечение эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбу с ними, т.е. меры, направленные на защиту общественного здоровья. Действие некоторых гражданских и политических прав может быть ограничено, если это необходимо для защиты общественного здоровья.

Конституционный Суд РФ указал, что «к числу неотъемлемых прав человека относится и закрепленное ст. 22 (ч. 1) Конституции Российской Федерации право на личную неприкосновенность, исключаящее незаконное воздействие на человека как в физическом, так и в психическом смысле»¹¹.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в апреле 2021 г. рассматривал вопрос о том, как соотносятся обязательная вакцинация населения, введенная во многих странах Европы, и право на уважение личной жизни и невмешательство публичных властей в осуществление этого права. Многие исследователи отмечают, что постановление ЕСПЧ может иметь существенное значение для дальнейшего развития законодательства о балансе интересов между личным и общественным и возможности ущемления личных интересов для достижения общественного блага¹².

Суд рассмотрел жалобу № 47621/13, поданную Вавржичкой и еще пятью гражданами против Чешской Республики.

Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН): ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 459-О.

¹² Сазонова М. Обязательная вакцинация: ЕСПЧ изложил свою позицию по вопросу. URL: <https://www.garant.ru/news/1465585/>

Все они не хотели ставить обязательные прививки детям. Жалобы были поданы от имени детей или их родителей. Мотивы, послужившие основанием жалоб, были разные: одни родители — биологи по образованию — в принципе не отказались вакцинировать своих детей, однако решили, что их детям будут ставить прививки по графику, разработанному ими индивидуально; представители других детей представили в суды Чехии, рассматривающие их дела, недостоверную информацию о том, что прививки детям были сделаны, однако после выявления подлога документов ребенка из детского сада исключили. Третьи заявители, несмотря на наложенные штрафы, не хотели делать прививки, четвертые не желали вакцинироваться из-за личных убеждений и убеждений родителей.

Заявители полагали, что отказом в принятии детей в детский сад им нанесен серьезный ущерб, заключающийся в дискриминации в отношении них и ограничении их личностного развития и доступа к дошкольному образованию. Кроме того, они утверждали, что их пребывание в детском саду не создает риска для других детей, которые уже были вакцинированы.

В Чешской Республике действует Закон об охране общественного здоровья (Zákon o ochraně veřejného zdraví) (Закон № 258/2000), который требует, чтобы все постоянные жители и все иностранцы, имеющие право проживать в стране на долгосрочной основе, должны проходить комплекс плановых прививок в соответствии с подробными условиями, изложенными в актах Министерства здравоохранения.

В Постановлении по жалобе Вавржички против Чешской Республики¹³ ЕСПЧ проанализировал законодательство ряда европейских стран по вопросу об обязательности вакцинации и, в частности, отметил:

- Законом от 30 декабря 2017 г. во Франции увеличен размер потенциального наказания «за нарушение родителем обязанности по вакцинации ребенка... до тюремного заключения на срок до двух лет и штрафа в размере до 30 000 евро». «Правительство Франции подчеркнуло, что вакцинация служит законной цели защиты здоровья»;

- в Германии также установлены ответственность за «неуважение обязанности по вакцинации и исключение из учебных

¹³ Постановление ЕСПЧ. URL: <https://www.scribd.com/document/502074266/Case-of-Vavricka-and-Others-v-the-Czech-Republic>

заведений», что «представляет собой реальное, но лишь косвенное вмешательство в личную неприкосновенность»;

- Конституционный Суд Республики Молдова в Постановлении от 30 октября 2018 г. № 26 указал, что «отказ от вакцинации детей без противопоказаний может не только повлечь за собой их возможное исключение до вакцинации, но и подвергнуть их риску заражения болезнью. Ущерб, нанесенный их здоровью, также негативно сказался на других правах, которыми они имели право пользоваться»;

- вопрос о необходимости вакцинации стал предметом рассмотрения Конституционного суда Сербии IUz-48/2016. В решении указано, что обязанность каждого — уважать общественные интересы и не подвергать опасности здоровье других.

Вакцинация детей является обязательной во многих европейских странах. В Италии с 2019 г. действует запрет допускать непривитых детей к занятиям в государственных и частных школах и садах. В случае отказа от вакцинации для родителей установлен штраф¹⁴. Декрет-закон, который поставил доступ к образовательным услугам для детей раннего возраста в зависимости от прохождения вакцинации, и установление санкции за невыполнение этого требования в виде административного штрафа стали предметом рассмотрения Конституционного суда Италии. Суд пришел к выводу, что такое требование и наложение штрафов на нарушителей являются разумными мерами и «необходимо соблюдать баланс между индивидуальным правом на здоровье и взаимными правами других лиц и интересами общины, а также в случае обязательной вакцинации, интересами детей, которые нуждаются в защите даже по отношению к родителям, которые не выполняют свои обязанности по уходу»¹⁵.

В Австралии прививки являются обязательными, а за отказ прививать ребенка родителям грозит потеря 15 тыс. австралийских долларов, которые государство выплачивает им при рождении ребенка¹⁶.

Таким образом, суды разных государств, рассматривающие необходимость вакцина-

ции, признали ее проведение обоснованной и отвечающей общественным требованиям.

ЕСПЧ обратил внимание на то, что в области вакцинации необходимо соблюдать баланс между индивидуальным правом на здоровье (включая свободу в отношении лечения) и сосуществующими и взаимными правами других лиц и интересами общины, а также, в случае обязательной вакцинации, интересами детей, которые нуждаются в защите даже по отношению к родителям, которые не выполняют свои обязанности по уходу.

Европейский суд отметил также, что законодательство о вакцинации, обязывающее делать прививки, применяется ко всем лицам, независимо от их мышления, совести или религии и, соответственно, не установлено нарушение ст. 9 конвенции.

ЕСПЧ «большинством голосов (16 голосов против одного) постановил, что нарушения ст. 8 (право на уважение частной жизни) Европейской конвенции о защите прав человека не было», — сказано в постановлении; а обязательная вакцинация детей в Чехии признана «необходимой в демократическом обществе», наилучшим образом соответствующая интересам детей. Суд встал на сторону государства, указав, что именно оно должно принимать надлежащие меры по защите жизни и здоровья. «Именно национальные власти в отличие от Международного суда имеют больше возможностей для оценки местных потребностей и ресурсов, именно они должны обладать широкой свободой выбора мер, необходимых в области здравоохранения для предотвращения пандемии».

Жалоба Вавржички и др. против Чешской Республики затрагивала вопрос только о прививках, которые ставят детям, однако в постановлении речь идет и о борьбе с пандемией COVID-19. Отмечено, что для того, «чтобы эффективно защитить население, политика вакцинации должна применяться как можно к большему числу людей». Тем самым Европейский суд выразил свое отношение к проведению вакцинации для профилактики этого заболевания.

Отметим, что в постановлении Европейский суд проанализировал позицию Всемирной организации здравоохранения о самом эффективном способе борьбы с распространением вирусных и инфекционных заболеваний — вакцинации, проводимой под медицинским контролем. Одновременно обращено внимание, что каждое государство вправе выстраивать свою политику в вопросах вакцинации. Поэтому кратко рассмотрим регулирование этого вопроса в России.

¹⁴ URL: <https://www.bbc.com/russian/news-39983833#:~:text=В%20числе%20обязательных%20прививок%3A%20вакцинация,чем%20за%20весь%20202016%20год>

¹⁵ Решение итальянского Конституционного суда от 22 ноября 2017 г. № 5/2018. URL: <https://www.audat-info.ru/na/article/view>

¹⁶ Ермолаева Н., Миракян Н. Прививки станут долгом // Российская газета. 2017. 21 мая.

В статье 17 Конституции РФ закреплено, что в стране признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ.

В Российской Федерации вопросы необходимости вакцинопрофилактики Конституционным судом не рассматривались, однако в одном из определений указано: «Проведение профилактических прививок... направлено на обеспечение здоровья и безопасности как самого ребенка, в отношении которого осуществляется профилактическое медицинское вмешательство, так и других лиц. Следовательно, оспариваемые законоположения направлены на защиту конституционно значимых ценностей и не могут рассматриваться как нарушение конституционных прав заявителя»¹⁷.

Действующее в России законодательство не принуждает детей к обязательной вакцинации. Этот вопрос вправе решать только их родители. Если они примут решение не прививать ребенка, то при оформлении его в детский сад или учебное учреждение у них могут возникнуть только временные трудности. Администрация не может отказать в приеме непривитых детей. Временный отказ может быть только в случае, если во время оформления документов в учреждении имеет место массовое заболевание детей (инфекционного или вирусного характера). Тем не менее в государственном докладе «О состоянии санитарно-эпидемиологического благо-

получия населения в РФ в 2019 году», подготовленном Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия населения, отмечается, что снижение заболеваемости населения по 23 инфекционным болезням стало возможным благодаря профилактической иммунизации, охватившей более 90% населения, подлежащего вакцинации¹⁸.

Полагаем, что в постановлении ЕСПЧ нашло отражение общемировая тенденция о том, чтобы в обстановке пандемии COVID-19 сделать вакцинацию обязательной. Полагаем, что это основывается на современных научных знаниях о формировании коллективного иммунитета и не будет противоречить заявленному социальному характеру государства.

Что касается установления ответственности за отказ от прививок, то, конечно, относиться к этому вопросу следует с особой осторожностью, особенно если этот вопрос касается семей с маленькими детьми и низким материальным благополучием. Мы предлагаем внести изменения в Федеральный закон «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», исключив из ст. 5, устанавливающей права граждан при осуществлении иммунопрофилактики, возможность отказа от профилактических прививок. Приглашаем обсудить вопрос о возможности получения материнского капитала только при представлении сертификата о профилактических прививках.

Одновременно необходимо значительно увеличить меры социальной поддержки при возникновении поствакцинальных осложнений, установленных этим законом почти 20 лет назад, в 2004 г., и после этого не индексировавшиеся.

¹⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Максимовского Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав положением части 2 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и положением пункта 2 статьи 11 Федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней»: Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 3091-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в РФ в 2019 году: государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия населения, 2020. С. 178.

Литература

1. Данилин П. Ждет ли граждан России принудительная вакцинация / П. Данилин // РИА Новости. 2021. 25 мая.
2. Иванов А. Принудительная вакцинация от коронавируса в России: законно ли это? / А. Иванов // Юридический центр. 2020. 13 ноября.
3. Круглов А. Жириновский: «С 1 октября такие draconовские меры введут, что мы быстро догоним все страны по вакцинации» / А. Круглов // Репортер 64. 2021. 23 мая.
4. Сафаров Б.А. Всеобщая декларация прав человека как основополагающий документ международной стандартизации прав человека / Б.А. Сафаров // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2013. № 2 (54). С. 9–15.

Отказ от ограниченных вещных прав на земельные участки: проблемы доктрины и правоприменения

Шереметьева Наталья Владимировна,

помощник судьи Арбитражного суда Приморского края,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
nata-sheremet@mail.ru

Актуальность темы исследования заключается в недостаточной изученности института ограниченных вещных прав на земельные участки. В гражданском и земельном законодательстве установлен закрытый перечень ограниченных вещных прав на земельные участки, но процедура реализации этих прав регламентирована не полностью. Признак ограниченности вещного права вызывает проблемы в практике его реализации. Наибольшую проблему представляет отказ от ограниченного вещного права, так как, будучи предусмотренным в законодательстве, его процедура не детализирована. Настоящая статья посвящена исследованию процессуального аспекта права отказа от ограниченного вещного права на земельный участок.

Ключевые слова: ограниченное вещное право, бессрочное пользование, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, право пожизненного наследуемого владения, земельный участок, правообладатель.

Waiver of Limited Proprietary Rights to Land Plots: Doctrine and Law Enforcement Problems

Sheremetyeva Natalya V.

Assistant Judge of the Commercial Court of the Primorsky Territory
Senior Lecturer of the Department of Civil and Legal Disciplines
of the Vladivostok State University of Economics and Service

The relevance of the research topic lies in the insufficient study of the institution of limited property rights to land plots. The civil and land legislation establishes a closed list of limited property rights to land plots, but the procedure for exercising these rights is not fully regulated. The sign of the limited property right causes problems in the practice of its implementation. The greatest problem is the refusal of a limited property right, since, being provided for in the legislation, its procedure is not detailed. This article is devoted to the study of the procedural aspect of the right to renounce a limited property right to a land plot.

Keywords: limited property rights, perpetual use, the right of economic management, the right of operational management, the right of inherited life ownership, land plot.

В законодательстве каждое право должно быть урегулировано детально. Ограниченные вещные права устанавливаются по определенным основаниям. В отношении ограниченных вещных прав необходимо урегулировать их содержание, объем правомочий, которыми обладает носитель ограниченного вещного права. Ограниченность вещного права проявляется в том, что полное господство правообладателя урезается по определенным аспектам. Автономия человека заключается в том, что он имеет возможность самостоятельно выбирать то или иное ограниченное вещное право.

Институт ограниченных вещных прав позволяет максимально разнообразить хозяйственную деятельность субъектов гражданского права. Правом собственности может быть удовлетворен самый примитивный экономический быт, а ограниченные вещные права являются инструментом, позволяющим использовать чужое имущество для достижения целей хозяйственной деятельности, например, строить здания и сооружения, вести сельское хозяйство, осуществлять проход через земельный участок¹.

¹ Сазанова И.В. О понятии ограниченного вещного прав // Вестник научных конференций. Тамбов : ООО «Юком», 2019. № 7-1(47). С. 58.

Ограниченность вещного права не лишает его абсолютного характера, поэтому их соблюдение является обязательным для третьих лиц. Соблюдение ограниченных вещных прав другими лицами обеспечивается тем, что любое лицо должно иметь доступ к информации о том, какие ограниченные права установлены в отношении земельного участка. Участник имущественного оборота при покупке земельного участка должен быть осведомлен об обременениях. Это возможно благодаря тому, что все ограниченные вещные права на земельные участки регистрируются в официальных реестрах, что придает этому виду прав публичный характер.

Таким образом, можно дать общее определение понятию ограниченного вещного права. Ограниченное вещное право — это абсолютное гражданское право, закрепленное законодательством и зарегистрированное в установленном законом порядке, предоставляющее возможность осуществлять ограниченное хозяйственное господство над чужим недвижимым имуществом.

Законодатель предусматривает, что в правовой статус обладателя ограниченного вещного права на земельный участок входит право свободной реализации своего права и право на отказ от ограниченного вещного права. Теоретики земельного права замечают, что большинство проблем возникает при отказе от прав на земельный участок, так как процедура отказа в законодательстве не прописана.

Так, основанием для прекращения права собственности на земельный участок является отказ от права собственности, который справедливо считается крайней мерой отчуждения земельного участка. В большинстве случаев земельный участок отчуждается путем передачи его посредством продажи, дарения, но если собственник не смог найти какой-либо способ отчуждения, то он может воспользоваться предоставленной ему законом возможностью отказаться от права собственности. Такая потребность может возникнуть, если земельный участок расположен в таком месте, где его неудобно использовать, или его почва утра-

тила плодородность, и по другим причинам².

На практике собственник земельного участка отказывается от права собственности путем бездействия, которое выражается в том, что собственник устраняется от реализации своих правомочий, показывая своим поведением, что не желает оставлять за собой какие-либо права на землю. Бездействие собственника проявляется в том, что он утрачивает интерес к земельному участку, не исполняет его по назначению или каким-либо иным способом, оставляет участок и не появляется на нем в течение длительного времени. Однако такой способ не прекращает права собственности на землю, а приводит к тому, что земельный участок признается заброшенным, и в отношении него осуществляется процедура принудительного прекращения прав собственника³.

В соответствии с ч. 2 ст. 53 Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ) отказ от права собственности на земельный участок может быть осуществлен только посредством подачи заявления собственником в орган, зарегистрировавший право на землю. Право собственности на землю прекращается только после регистрации такого прекращения⁴.

В статье 236 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) установлено, что собственник недвижимого имущества может отказаться от права собственности публично или иным способом, свидетельствующим о том, что собственник устранился от владения, пользования и распоряжения имуществом и не имеет намерения сохра-

² Иमेкова М.П. Отказ лица от права собственности на земельный участок в системе оснований прекращения права собственности на землю // Актуальные проблемы российского права. М.: Изд-во Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, 2013. № 11 (36). С. 1426.

³ Буртовая Е.И. Прекращение права собственности по воле собственника в системе оснований и способов прекращения субъективного права собственности по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право). Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2011. С. 10.

⁴ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 30.04.2021 № 120-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147, 4148.

нять свои права на данную собственность. В научной литературе теоретики выявляют коллизию между ст. 236 ГК РФ и ч. 2 ст. 53 ЗК РФ, так как в Земельном кодексе РФ отказ от права собственности на земельный участок может быть совершен посредством выполнения определенных юридически значимых действий, а именно путем заявления в регистрирующий государственный орган. Однако и по ст. 236 ГК РФ право собственности на землю сохраняется до того момента, пока не будут установлены права другого лица на данное недвижимое имущество⁵.

Норма, закрепленная ч. 2 ст. 53 ЗК РФ, имеет специальную направленность, поэтому именно она должна применяться по отношению к земельному участку, тем самым выделяя земельные объекты из общей совокупности недвижимости.

Такая точка зрения подтверждается позицией судов. Так, в 2020 г. Богородским городским судом Нижегородской области рассматривалось дело о признании права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности. Гражданин С. занял заброшенный земельный участок, стал его обрабатывать, ни от кого не скрывая данного факта, принимал меры к его сохранению. В ходе судебного следствия было установлено, что земельный участок принадлежал на праве собственности гражданке К., которая перестала реализовывать свои права пользования, владения и распоряжения в отношении данного участка, о чем свидетельствовали третьи лица. По судебному запросу администрация СНТ дала ответ о том, что от гражданки К. не поступало заявления об отказе от права собственности. Суд разъяснил, что в соответствии с ч. 2 ст. 53 ЗК РФ право собственности на земельный участок может быть прекращено только посредством подачи заявления в регистрационный орган. В связи с этим суд не удовлетворил исковое заявление гражданина С., так как не обнаружил никаких доказательств

прекращения прав собственности гражданки К. на земельный участок⁶.

Процедура прекращения права собственности по основанию отказа от собственности регламентирована Законом «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон № 218-ФЗ). В соответствии со ст. 56 Закона № 218-ФЗ право собственности на земельный участок или на его долю на основании отказа собственника прекращается по заявлению носителя права собственности⁷.

Кроме заявления о прекращении права собственности в государственный регистрационный орган должен быть представлен правоустанавливающий документ, но, если право было ранее зарегистрировано в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН), прилагать правоустанавливающий документ не требуется. Вместе с регистрацией прекращения права собственности на землю автоматически осуществляется регистрация земельного участка в государственную или муниципальную собственность. В течение пяти дней с момента регистрации права собственности на земельный участок регистрационный орган должен уведомить об этом соответствующие органы субъекта РФ или муниципального образования, а также заявителя⁸.

Обладатели права постоянного (бессрочного) пользования или права пожизненного наследуемого владения земельным участком также могут отказаться от этих ограниченных вещных прав. Для этого требуется подать заявление в уполномоченный орган исполнительной власти или в орган местного самоуправления и приложить к заявлению копию документа, удостоверяющего личность собственника. Если речь идет о юридическом лице, то заявление подается вместе

⁶ Решение Богородского городского суда Нижегородской области от 19 ноября 2020 г. по делу № 2-990/2020. URL: <https://sudact.ru>

⁷ Федеральный закон Российской Федерации от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (в ред. от 30.04.2021 № 120-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

⁸ Сорокина А.С. Добровольный отказ от права собственности на земельные участки как основание возникновения муниципальной собственности. Самара : Изд-во Самарского государственного экономического университета // Актуальные проблемы правоведения. 2016. № 4 (52). С. 59.

⁵ Касьянова О.В. Отказ от земельного участка как одно из оснований прекращения вещных прав на землю // Вестник Поволжской академии государственной службы. Саратов : Изд-во Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, 2011. № 4 (29). С. 84.

с согласием учредительного органа юридического лица, его учредителя или лица, уполномоченного учредителем на представление интересов юридического лица⁹.

На практике решение принимается исполнительным органом муниципального образования не только при наличии названных документов, но дополнительно требуемых документов: решение уполномоченного органа о предоставлении земельного участка; кадастровый паспорт земельного участка; документы, подтверждающие факт регистрации юридического лица.

Орган, рассматривающий заявление об отказе от права постоянного (бессрочного) пользования или постоянного наследуемого владения, запрашивает названные документы у заявителя или в государственных органах, в распоряжении которых находятся документы.

Решение по заявлению принимается компетентным органом в течение месяца, и в недельный срок направляется уведомление о принятом решении заявителю, в налоговый орган и в регистрационный орган¹⁰.

Нередко орган исполнительной власти по тем или иным причинам принимает отрицательное решение, тогда собственник обращается в суд. Так, Пятигорским городским судом Ставропольского края было рассмотрено заявление гражданина Ш. к администрации г. Пятигорска о прекращении права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком. Гражданин Ш. являлся собственником жилого дома на земельном участке, который принадлежал на праве постоянного (бессрочного) пользования гражданину С., умершему на момент рассмотрения дела. На день смерти гражданина С. действовало законодательство, по которому право постоянного (бессрочного) поль-

зования земельным участком не могло быть унаследовано вместе с жилым домом. Администрация г. Пятигорска разъяснила, что отказ от права постоянного (бессрочного) пользования невозможен, так как обладатель права не обращался с заявлением об этом, а принудительное изъятие у него земельного участка невозможно. Прекращение права бессрочного пользования в судебном порядке позволит также аннулировать регистрационную запись, поэтому гражданин Ш. сможет оформить право собственности на земельный участок как собственник жилого дома, находящегося на данном земельном участке. Судом было принято решение удовлетворить искивые требования гражданина Ш. о прекращении права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком¹¹.

Отдельными законодательными актами закрепляется возможность прекращения сервитутных правоотношений, но только по решению суда, но нет указания на добровольный отказ от сервитута. На основании федерального закона, регулировавшего порядок подготовки и проведения чемпионата мира по футболу, сервитут может быть установлен по решению суда и также прекращен. Сервитутные отношения в таких условиях приобретают публично-правовой характер, поэтому их прекращение в добровольном порядке вызовет затруднения. Суд принимает решение о прекращении сервитутных отношений по следующим основаниям: в связи с установлением факта о том, что обстоятельства изменились, вследствие чего сервитут становится излишним; в связи с установлением факта того, что лицо, в интересах которого установлен сервитут, не использует свои полномочия стороны сервитутных отношений в течение одного года¹².

⁹ Мезенина О.Б., Лукин Д.А. Рассуждения о праве постоянного (бессрочного) пользования земельным участком. М.: ИП Фомин Александр Анатольевич // Московский экономический журнал. 2020. № 1. С. 6.

¹⁰ Цой Е.Я. Наследование земельных участков, находящихся в постоянном (бессрочном) пользовании // Землеустройство и кадастры: актуальные проблемы и пути их решения: сборник научных трудов молодых исследователей. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного аграрного университета, 2019. С. 132.

¹¹ Решение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 22 июля 2020 г. по делу № 2-1652/2020. URL: <https://sudact.ru>

¹² Федеральный закон Российской Федерации от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 20.04.2021 № 90-ФЗ) // СЗ РФ. 2013. № 23. Ст. 2866.

В федеральном законе, регулирующем режим особых экономических зон, в качестве первого основания называется отсутствие не оснований, а отсутствие целей, для достижения которых устанавливался сервитут¹³.

И.В. Афанасьев считает, что при решении вопросов о наличии или отсутствии оснований или целей для сервитутов суд должен исследовать все обстоятельства относительно конкретных участков, но при этом оцениваться они должны с высокой степенью усмотрения суда. Четкого и исчерпывающего перечня критериев, указывающих на наличие или отсутствие оснований для установления или прекращения сервитута, установить на законодательном уровне невозможно¹⁴.

В научной литературе предлагают закрепить за сервитуарием право на отказ от сервитута, если он не пользуется им в течение определенного времени. Это могло бы упростить рассмотрение судом дел о прекращении сервитутных правоотношений по инициативе сервитуария. Однако в научной литературе не прекращается дискуссия о величине срока давности неиспользования сервитута. Так, Т.В. Дерюгина предлагает установить срок давности в один год, что объясняется тем, что в течение года сменяются все четыре сезона, и даже если лицу требуется сервитут для осуществления деятельности только в определенный сезон, то за год, т.е. за смену всех сезонов, можно понять, что пользователь сервитута не нуждается в нем, а сам сервитут является обременительным для сервитуария¹⁵.

По всей видимости, процедура отказа сервитуария от сервитутных правоотношений должна проводиться в обратном порядке. Если речь идет о частном сервитуте, когда он устанавливается по добровольному согласию собственников земельных участков, а затем официально регистрируется в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество, то собственники земель могут также добровольно согласиться о прекращении правоотношений, зарегистрировав факт прекращения в том же порядке. Если речь идет о дереликции, то пользователь сервитута может подать заявление в орган, зарегистрировавший право пользования чужим участком¹⁶.

Права оперативного управления и хозяйственного ведения на земельный участок предоставляются юридическим лицам, которые также могут отказаться от данных прав. Отказ от прав оперативного управления или хозяйственного ведения должен быть зарегистрирован в установленном законом порядке. Без официального закрепления право оперативного управления и право хозяйственного ведения не прекращаются.

В качестве примера можно рассмотреть решение суда по исковому заявлению Управления государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области (Управление) к Невьянскому государственному историко-архитектурному музею (Музей) о возложении обязанности совершить действия. За Музеем закреплен объект культурного наследия на праве оперативного управления, но администрация Музея не принимает никаких мер для сохранения объекта культурного наследия. Администрация Музея возразила против исковых требований, обосновывая это тем, что уже неоднократно обращалась в Министерство по управлению государственным имуществом с просьбой изъять неиспользуемое имущество. Основываясь на положениях ст. 236 ГК РФ, администрация посчитала,

¹³ Федеральный закон Российской Федерации от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (в ред. от 30.12.2020 № 532-ФЗ) // СЗ РФ. 2005. № 30 (часть II). Ст. 3127.

¹⁴ Афанасьев И.В. Сервитут в гражданском праве Российской Федерации: теория и практика применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право). М. : Изд-во Российской академии адвокатуры и нотариата, 2017. С. 11.

¹⁵ Дерюгина Т.В. Гражданско-правовое регулирование института сервитута в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право). Волгоград : Изд-во Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2002. С. 19.

¹⁶ Ананьев А.Г. Принципы исполнения сервитута, возникающего из договора. Казань : Изд-во Казанского (Приволжского) федерального университета // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 2. С. 492.

что неоднократные обращения в министерство могут служить подтверждением того, что Музей отказался от права оперативного управления, поэтому меры к сохранению объекта культурного наследия не принимались. Министерство как третье лицо предоставило доказательства того, что право оперативного управления объектом культурного наследия закреплено за Музеем, а доводы в обращениях Музея не позволяют сделать вывод о том, что Музей отказался от права оперативного управления. Кроме того, право оперативного управления официально зарегистрировано в установленном законом порядке и его обладателем является Музей. Иск Управления был удовлетворен¹⁷.

¹⁷ Решение Невьянского городского суда Свердловской области от 17 августа 2019 г. по делу № 2-630/2019. URL: <https://sudact.ru>

Таким образом, добровольный отказ от ограниченных вещных прав на земельный участок является наименее исследованным в научной литературе, а в законодательстве это основание для прекращения права урегулировано в общих чертах. Земельное законодательство с учетом специфичности предмета регулирования предусматривает только заявительный способ для отказа лица от своих прав, что на практике вызывает проблемы. Также затруднения на практике вызывает отсутствие детальности в регулировании процедуры прекращения ограниченных вещных прав на земельные участки по основанию добровольного отказа правообладателя. Положительным моментом является тот факт, что перечень оснований для прекращения ограниченных вещных прав закрытый, что служит гарантией защиты интересов собственников от произвольного прекращения их прав.

Литература

1. Ананьев А.Г. Принципы исполнения сервитута, возникающего из договора / А.Г. Ананьев // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 2. С. 488–497.
2. Афанасьев И.В. Сервитут в гражданском праве Российской Федерации: теория и практика применения : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.В. Афанасьев. Москва, 2017. 32 с.
3. Буртовая Е.И. Прекращение права собственности по воле собственника в системе оснований и способов прекращения субъективного права собственности по законодательству Российской Федерации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.И. Буртовая. Томск, 2011. 37 с.
4. Дерюгина Т.В. Гражданско-правовое регулирование института сервитута в России : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Т.В. Дерюгина. Волгоград, 2002. 27 с.
5. Имекова М.П. Отказ лица от права собственности на земельный участок в системе оснований прекращения права собственности на землю / М.П. Имекова // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11 (36). С. 1423–1428.
6. Касьянова О.В. Отказ от земельного участка как одно из оснований прекращения вещных прав на землю / О.В. Касьянова // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 4 (29). С. 82–86.
7. Мезенина О.Б. Рассуждения о праве постоянного (бессрочного) пользования земельным участком / О.Б. Мезенина, Д.А. Лукин // Московский экономический журнал. 2020. № 1. С. 3–9.
8. Сазанова И.В. О понятии ограниченного вещного права / И.В. Сазанова // Вестник научных конференций. 2019. № 7-1 (47). С. 57–59.
9. Сорокина А.С. Добровольный отказ от права собственности на земельные участки как основание возникновения муниципальной собственности / А.С. Сорокина // Актуальные проблемы правоведения. 2016. № 4 (52). С. 58–60.
10. Цой Е.Я. Наследование земельных участков, находящихся в постоянном (бессрочном) пользовании / Е.Я. Цой // Землеустройство и кадастры: актуальные проблемы и пути их решения : сборник научных трудов молодых исследователей. В 3 томах. Т. 1. Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного аграрного университета, 2019. С. 131–133.